

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Вилла „Аркадия“

ДЖОДЖО МОЙЕС

Пропитан романтикой, интригой
и предательством.

Woman & Home

Annotation

Тихий курортный городок Англии, где каждый знает свое место. В 1950-е годы на вилле «Аркадия», роскошном особняке, построенном в стиле ар-деко, поселяются молодые художники и поэты. Их образ жизни вызывает возмущение почтенных матрон, которые пытаются защитить свой сонный городок от веяний времени.

И вот теперь, почти пятьдесят лет спустя, вилла «Аркадия» возрождается к жизни. Новый владелец решает восстановить ее и сделать гостиницей. И все секреты, похороненные вместе с домом много лет назад, воскресают...

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Вилла «Аркадия»

Посвящается Чарльзу Артуру и Кэти Рансиман

Прошлое каждого закрыто в нем, как книга, которую он знает наизусть, а его друзья могут прочесть только название.

Вирджиния Вульф

Copyright © 2003 by Jojo Moyes

© Е. Коротнян, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

Однажды мама сказала, что можно узнать, за кого выйдешь замуж, если очистить яблоко и швырнуть неразорванную кожуру через плечо. Она образует букву, знаешь ли. Хотя и не всегда. Мамочке так отчаянно хотелось, чтобы все получилось, что она просто отказывалась признать очевидное – кожура скорее походила на семерку или двойку, но мама отыскивала всевозможные «Б» и «Д» непонятно где. Даже если я не знала никакого Б. или Д.

Но с Гаем я обошлась без яблок. Я узнала его в первую же секунду, как увидела; это лицо я знала не хуже собственного имени. Это тот, кто заберет меня от родителей, это тот, кто будет любить меня, обожать меня и растить вместе со мной прекрасных малышей. Это тот, на кого я буду молча смотреть, пока он повторяет за священником свадебную клятву. Его лицо будет первое, что я увижу, проснувшись утром, и последнее с наступлением ночи.

Интересно, а он это понял? Конечно понял. Он ведь спас меня, знаешь ли. Как рыцарь, но не в сияющих доспехах, а в заляпанной грязью одежде. Рыцарь, который явился из темноты и вывел меня на свет. Пусть даже в привокзальном зале ожидания. Когда я ждала последний поезд, ко мне пристали какие-то солдаты. Я ходила на танцы с боссом и его женой и пропустила свой обычный поезд. Солдаты были здорово пьяны и все время цеплялись ко мне, хотя я прекрасно знала, что нельзя разговаривать с солдатней, отвернулась от них и забилась подальше, в самый угол скамейки, но они не воспринимали «нет» как ответ. Подбирались все ближе и ближе, пока один не начал меня хватать, делая вид, что это шутка, и я ужасно испугалась, потому что было поздно, а вокруг ни души – ни носильщика, ни кого-то еще. Я все время твердила, чтобы они оставили меня в покое, но они не слушали. Не хотели слушать. А потом самый здоровый из них – зверского такого вида – придвинулся ко мне, жуткая, заросшая щетиной рожа, и, обдав меня вонючим дыханием, заявил, что поймет меня, хочу я того или нет. Конечно, я должна была закричать, но, знаешь ли, не смогла – совершенно застыла от страха.

И тут появился Гай. Он ворвался в зал ожидания и решительно обратился к громиле, поинтересовавшись, понимает ли тот, что делает, а затем пообещал задать ему хорошую трепку. Потом он принял боевую стойку, готовясь сразиться со всеми тремя, а они начали ругаться, один тоже поднял кулаки, но спустя минуту или две эти трусы, продолжая ругаться, сбежали.

Меня трясло, слезы лились в два ручья, а он усадил меня на стул и предложил принести воды, чтобы я успокоилась. Он был так добр. Так мил. А потом он сказал, что подождет рядом, пока не придет поезд. Так он и сделал.

Именно там, под желтыми вокзальными фонарями, я впервые посмотрела ему в лицо. По-настоящему посмотрела. И я поняла, что это он. Точно он.

После того как я рассказала маме, она на всякий случай очистила яблоко, бросила кожуру через мое плечо. Лично мне показалось, что кожура упала в виде буквы «Д». Мама же по сей день клянется, что это определенно была буква «Г». Но к тому времени мы с Гаем давно миновали этап, когда нужны яблоки.

Фредди снова стошнило. На этот раз, судя по всему, травой. В углу рядом с комодом появилась пенистая зеленая лужица, в которой виднелись целые травинки.

– Сколько раз тебе повторять, болван?! – завизжала Селия, ступившая в эту лужу. – Ты не лошадь!

– И не корова, – услужливо поддакнула Сильвия от кухонного стола, за которым старательно наклеивала картинки бытовых приборов в альбом для вырезок.

– И никакое другое дурацкое животное. Ешь хлеб, а не траву. Кекс. Нормальную еду. – Селия сняла босоножку и, зажав ее двумя пальцами, понесла к кухонной раковине. – Фу! Ты отвратителен! Почему ты это делаешь? Мама, скажи ему. Пусть хотя бы за собой приберет.

– Действительно, Фредерик, дорогой, вытри там все. – Миссис Холден, сидя на стуле с высокой спинкой у огня, искала в газете время начала следующей серии «Диксона из Док-Грин». С тех пор как мистер Черчилль ушел в отставку, сериал служил ей одним из немногих утешений. Равно как и в их с мужем последнем деле. Хотя, разумеется, она упоминала только мистера Черчилля. Они с миссис Антробус, как она рассказывала Лотти, не пропустили пока ни одной серии и считали передачу просто чудесной. Впрочем, они с миссис Антробус были единственными обладателями телевизоров на Вудбридж-авеню и испытывали некоторое удовольствие, рассказывая соседям, насколько чудесны почти все программы.

– Наведи порядок, Фредди. Фу! И почему только мне достался брат, который питается кормом для животных?

Фредди сидел на полу возле незажженного камина и водил маленьким синим грузовичком по ковру, приподнимая его углы.

– Это не корм для животных, – удовлетворенно пробубнил он. – Господь сказал, вам сие будет в пищу.

– Мама, а теперь он поминает Господа всеу.

– Ты не должен говорить о Господе, – заявила Сильвия, приклеивая фотографию миксера на розовато-лиловый лист сахарной бумаги. – А то Он тебя накажет.

– Я уверена, Господь на самом деле не имел в виду траву, Фредди, дорогой, – рассеянно пробормотала миссис Холден. – Селия, милая, не подашь ли мне очки, прежде чем уйдешь? Шрифт в газетах становится все мельче.

Лотти терпеливо стояла в дверях. День выдался утомительный, и ей не терпелось уйти. Миссис Холден настояла, чтобы они с Селией помогли ей приготовить меренги для церковного базара, хотя обе ненавидели печь. Впрочем, спустя десять минут Селии все-таки удалось отвертеться, сославшись на головную боль. Вот и пришлось одной Лотти выслушивать сетования миссис Холден по поводу яичных белков и сахара и делать вид, что не замечает ее нервных всплескиваний руками и слез на глазах. И вот теперь наконец, когда жуткие меренги испеклись и благополучно расфасованы по жестянкам, предварительно обернутые пергаментом, – какая неожиданность! – головная боль у Селии чудесным образом прошла. Селия снова обулась и махнула рукой Лотти: мол, пора уходить. Стоя перед зеркалом, она набросила на плечи кардиган и наспех поправила прическу.

– Куда собрались, девочки?

– В кофейню.

– В парк.

Селия и Лотти ответили одновременно и уставились друг на друга в немом укор.

– Мы идем и туда, и туда, – не смущаясь, заявила Селия. – Сначала в парк, затем выпить кофе.

– Они идут целоваться с мальчиками, – сообщила Сильвия, по-прежнему корпевшая над своим занятием. Она держала во рту кончик косы и периодически вынимала его, шелковисто-влажный.

– Чмок-чмок. Целоваться.

– Тогда не пейте слишком много. Сами знаете, кофе вас излишне бодрит. Лотти, дорогая, проследи, чтобы Селия не выпила слишком много. Максимум две чашки. И чтобы к половине седьмого были дома.

– На уроке Библии Бог сказал: да произрастит земля зелень, – подал голос Фредди, подняв глаза.

– И вспомни, как тебе было плохо, когда ты ее наелся, – парировала Селия. – Неужели, мама, ты не заставишь его убрать за собой? Прямо не верится. Ему все сходит с рук.

Миссис Холден взяла принесенные Селией очки и медленно надела их на нос. У нее был вид человека, которому все-таки удастся остаться на плаву во время шторма благодаря убеждению, что он, вопреки очевидным фактам, на самом деле находится на суше.

– Фредди, ступай и попроси Вирджинию принести тряпку. Вот хороший мальчик. А ты, Селия, дорогая, не будь такой ужасной. Лотти, поправь блузку, дорогая. У тебя странный вид. И еще одно, девочки: вы же не собираетесь пляиться на приезжую? Нельзя, чтобы она подумала, будто в Мерхеме живут одни деревенщины, которые стоят и глазеют с открытыми ртами.

Наступила короткая пауза, во время которой Лотти успела заметить, что у Селии слегка порозовели уши. Ее собственные уши даже не потеплели: за многие годы она научилась стойко держаться даже в присутствии более суровых дознавателей.

– Из кофейни мы пойдем сразу домой, миссис Холден, – не дрогнув ответила Лотти. И это могло, разумеется, означать все, что угодно.

* * *

Это был день большого переезда, когда менялись местами те, кто прибыл субботними поездами с Ливерпуль-стрит, и те, кто неохотно возвращался в город, лишь слегка загорев. В такие дни по тротуарам сновали взад-вперед мальчишки с наспех сколоченными деревянными тележками, доверху нагруженными пухлыми чемоданами. За ними вышагивали изможденные мужчины в своих лучших летних костюмах, под руку с женами, радуясь возможности ценою нескольких мелких монет начать ежегодный отпуск по-королевски. Или хотя бы не тащить самим свой багаж до номера.

Поэтому прибытие в основном осталось незамеченным и необсужденным. Если, конечно, не считать Селию Холден и Лотти Свифт. Они сидели на скамейке в городском парке, протянувшемся на две с половиной мили вдоль Мерхемского побережья, и замороженно смотрели во все глаза на мебельный фургон, чей темно-зеленый капот, едва видный под соснами, поблескивал на солнце.

Внизу протянулись влево волнорезы, похожие на темные зубцы расчески, и отлив

отступал по мокрому песку, усеянному крошечными фигурками, бросающими вызов яростному не по сезону ветру. Прибытие Аделины Арманд, как позже решили девушки, могло сравниться разве что с прибытием царицы Савской. Точнее, сравнилось бы, соберись царица Савская переехать сюда в субботу, в разгар летнего сезона. Это означало, что все те люди – Колкухоуны, Эллиотты, хозяйки местных пансионатов на Променаде и им подобные, которые при обычных обстоятельствах не преминули бы отметить экстравагантность незнакомцев, прибывших с целой горой сундуков, с большими картинами, изображавшими вовсе не членов семьи или мчащихся галопом лошадей, а огромные, беспорядочно нанесенные пятна краски, с бессчетными стопками книг и явно заморскими предметами искусства, – все те люди не стояли молча у ворот, наблюдая за размеренной процессией, тянувшейся в давно пустовавшую виллу в стиле ар-деко, выстроенную на побережье. Они толпились в очереди у мясной лавки на Марчант-стрит или торопились на собрание Ассоциации владельцев гостиниц.

– Миссис Ходжез говорит, что она дальняя родственница королевской семьи. Венгерской или какой-то там еще.

– Чушь.

Селия посмотрела на подругу, округлив глаза:

– Точно. Миссис Ходжез разговаривала с миссис Ансти, а та знакома со стряпчим или кем-то там еще, кто отвечает за дом, так что она действительно венгерская принцесса.

Тем временем семьи на пляже распределили между собой узкие полоски суши и спрятались за надутыми ветром полосатыми тентами или нашли укрытие в пляжных домиках, не выдержав резкого морского бриза.

– Фамилия Арманд не похожа на венгерскую. – Лотти убрала волосы, лезшие в рот.

– Разве? А ты откуда знаешь?

– Иначе просто ерунда получается. Что венгерской принцессе делать в Мерхеме? Она, безусловно, поехала бы в Лондон. Или в Виндзорский замок. Но только не в эту сонную, обветшалую дыру.

– В Лондон, но не в твой район, – с едва ощутимым пренебрежением произнесла Селия.

– Да, – согласилась Лотти. – Не в мой район.

Тот район Лондона, где когда-то жила Лотти, – восточный пригород, щедро усеянный наспех воздвигнутыми фабриками, за которыми в одну сторону выстроились газовые станции, а в другую на многие акры протянулись неказистые болота, – не мог похвастать ни одной выдающейся личностью. Попав впервые в Мерхем, куда ее эвакуировали в начале войны, Лотти с трудом скрывала смущение, когда местные жители сочувственно интересовались, скучает ли она по Лондону. В такое же замешательство ее приводили расспросы о семье. В конце концов люди перестали спрашивать.

Лотти все-таки вернулась домой на два года, до конца войны. Потом, поскольку между ней и Селией завязалась интенсивная переписка, а миссис Холден любила повторять, что Селии будет полезно иметь подругу-ровесницу и, кроме того, «каждый человек должен внести и свою лепту в общее дело», Лотти пригласили вернуться в Мерхем. Сначала речь шла о каникулах, но каникулы затянулись до начала занятий, и в результате ей предложили остаться навсегда. Теперь Лотти просто воспринималась как член семьи Холденов. Не родственница, конечно, не совсем им ровня по социальному положению (всем известно, что от акцента Ист-Энда не избавиться за всю жизнь), но ее постоянное присутствие в деревне больше не обсуждалось. Кроме того, Мерхем давно привык, что люди сюда приезжают и

больше домой не возвращаются. Море способно забирать людей в плен.

– Отнесем что-нибудь? Цветы, например. Будет предлог, чтобы зайти.

Селии было явно неловко за свое недавнее замечание: не зря она одаривала Лотти своей особой улыбкой в стиле Мойры Ширер,^[1] выставляя напоказ нижние зубы.

– У меня нет денег.

– Да не в лавке же их покупать. Ты знаешь место, где можно набрать красивых диких цветов. Ты ведь всегда приносишь их маме, – заметила Селия, и в ее последней фразе Лотти уловила явственные нотки обиды.

Девушки соскользнули со скамейки и направились в конец парка, где кованые перила обозначали начало горной тропы. Лотти часто сюда навевывалась летними вечерами, когда шум и подавленная истерия в доме Холденов становились невыносимыми. Ей нравилось слушать крики чаек и коростелей, носившихся над головой, и напоминать себе, кто она такая. Миссис Холден сочла бы подобное самокопание неестественным или, по крайней мере, проявлением излишней снисходительности к собственной персоне, поэтому небольшие букетики цветов, собранные Лотти, служили полезной страховкой. Почти десять лет жизни в чужом доме также привили ей некую житейскую мудрость, способность адекватно реагировать на возможные домашние неурядицы, что никак не вязалось с ее юным возрастом. Важную роль играло и то, что Селия никогда не видела в ней конкурентку.

– Заметила, сколько шляпных коробок внесли в дом? Семь, никак не меньше, – сказала Селия и наклонилась к цветку. – Как тебе этот?

– Нет, эти сразу завянут. Набери фиолетовых. Там, у большого валуна.

– У нее, должно быть, куча денег. Мама говорит, нужно целое состояние на ремонт. Она разговаривала с малярами, и те признались, что это настоящий свинюшник. Там ведь никто не жил с тех пор, как Макферсоны переехали в Гэмпшир. Сколько прошло?.. Девять лет?

– Не знаю. Никогда не была знакома с Макферсонами.

– Скучная пара. Дальше некуда. Она носила обувь девятого размера. Если верить миссис Ансти, в доме не осталось ни одного приличного камина. Все разворовали.

– И сад совершенно зарос.

Селия остановилась:

– Откуда ты знаешь?

– Бывала там несколько раз во время прогулок.

– Ах ты хитрюга! Почему меня не взяла с собой?

– Тебя никогда не тянуло прогуляться. – Лотти посмотрела мимо нее на грузовой фургон, испытывая прилив волнения. Они давно привыкли к появлению новых людей: как-никак Мерхем – сезонный городок. Сезоны здесь определяют приезжие, которые прибывают и убывают, словно морские приливы и отливы. Но перспектива заселения большого дома наполнила последние две недели радостным ожиданием.

Селия вновь занялась цветами. Пока перебирала их в руке, ветер приподнял ее волосы золотистой волной.

– Думаю, я ненавижу отца, – вслух произнесла она, неожиданно устремив немигающий взгляд куда-то вдаль.

Лотти оцепенела. Она не считала себя вправе обсуждать ужины Генри Холдена с его секретаршей.

– Мама так глупа. Просто делает вид, что ничего не происходит. – Короткую паузу прервал резкий крик чаек, кружащих над их головами. – Господи, жду не дождусь, чтобы

отсюда уехать, – наконец сказала она.

– А мне здесь нравится.

– Да, но тебе не приходится смотреть, как твой отец ведет себя как полный идиот. – Селия повернулась к Лотти, вытянув руку с букетом. – Ну вот. Как ты думаешь, этого хватит?

Лотти взглянула на цветы:

– Ты действительно хочешь туда пойти? Чтобы поглазеть на ее вещи?

– О, а ты как будто не хочешь, мать настоятельница?

Девочки улыбнулись друг другу и помчались обратно к городскому парку. Их юбки и кардиганы развевались на ветру.

* * *

Подъездная аллея к вилле «Аркадия» когда-то была круговой. Оставшиеся соседи еще помнили процессии из длинных автомобилей, которые замирали, скрипнув гравием, перед парадным входом, а затем продолжали двигаться по изящному кругу и выезжали на дорогу. Раньше это был приметный дом, расположенный между железнодорожными путями (эта особенность была столь важной, что все дома в Мерхеме рекламировались как «внутренний» или «внешний»). Построил его Энтони Грешем, старший сын уолтонских Грешемов, когда вернулся из Америки, где заработал себе состояние, создав какую-то деталь к двигателю, которую приобрела компания «Дженерал моторс». Вилла, как он напыщенно заявил, должна напоминать жилище кинозвезды. Он видел особняк в Санта-Монике, владелицей которого была известная актриса немого кино: длинный, низкий, белый, с огромными окнами и маленькими окошками в виде иллюминаторов. Такой дом внушал мысль о блестящем обществе, новых мирах и смелом, ярком будущем (будущее, по иронии судьбы, ему не принадлежало: он погиб в возрасте сорока двух лет под колесами «лендровера»). Когда строительство дома было наконец завершено, некоторые жители Мерхема пришли в ужас от его авангардности и в кулуарах сетовали, что он как-то не совсем «вписывается». Поэтому, когда несколько лет спустя его следующие владельцы, Макферсоны, выехали и дом остался пустовать, некоторые старожилы испытали странное облегчение, хотя и не признавались в этом. Северная сторона подъездной аллеи успела полностью зарастить: колючие кусты ежевики и бузины преждевременно обрывали ее у ворот, за которыми когда-то начиналась пляжная тропинка. И вот теперь водители фургонов скрипели коробками передач и ругались, пытаясь после разгрузки разъехаться со стоявшей позади машиной и выбраться обратно на аллею.

Лотти и Селия постояли немного, наблюдая, как краснолицые потные грузчики заносят мебель. Неожиданно из дома выбежала высокая женщина с длинными каштановыми волосами, собранными сзади в строгий узел.

– Стойте! Погодите секунду! – крикнула она, помахав связкой ключей. – Я передвину машину к черному ходу!

– Думаешь, это она? – прошептала Селия, которая почему-то сразу нырнула за ближайшее дерево.

– Откуда мне знать? – Лотти даже перестала дышать. Внезапное замешательство Селии заставило ее почувствовать неловкость.

Они крепче прижались друг к другу и выглядывали из-за ствола, обеими руками

придерживая пышные юбки, чтобы те не раздувались.

Женщина села за руль и огляделась, словно раздумывая, что именно следует сделать дальше. Затем, страдальчески закусив губу, повернула ключ зажигания, поборолась с рычагом скорости, сделала глубокий вдох и резко подала назад, с оглушительным грохотом въехав в решетку радиатора стоящего фургона.

Последовала короткая тишина, потом кто-то из мужчин громко выругался и зазвучал продолжительный гудок. Женщина подняла голову, и девушки поняли, что она, похоже, сломала нос. Кровь была повсюду: на светло-зеленой блузе, на руках, даже на руле. Женщина посидела немного, видимо оглушенная, но быстро пришла в себя и посмотрела вниз в поисках чего-нибудь способного остановить кровотечение.

В следующую секунду Лотти осознала, что бежит по заросшей лужайке, зажав в руке носовой платок.

– Вот, – сказала она, добежав до женщины одновременно с орущими людьми, которые начали собираться вокруг машины. – Возьмите. Откиньте голову назад.

Селия, поспешившая за Лотти, глянула в забрызганное лицо женщины.

– Вы очень сильно ударились, – сказала она.

Женщина взяла платок и повернулась к водителю грузовика:

– Простите. Я просто никак не могу освоить переключение скоростей.

– Вам вообще не следует садиться за руль, – заявил мужчина. Его мощное тело со всех сторон выпирало из-под темно-зеленого фартука. В руках он держал то, что осталось от передней фары. – Вы даже не глянули в зеркало заднего вида.

– Я думала, что включила первую. Она очень близко расположена к задней передаче.

– У вас отлетел бампер, – взволнованно сообщила Селия.

– Это даже не мой автомобиль. О боже!

– Взгляните на эту фару! Теперь придется менять весь блок. Потрачу время и деньги.

– Понимаю. – Женщина скорбно кивнула.

– Послушайте, оставьте даму в покое. Она пережила сильный шок. – У дверцы машины появился темноволосый мужчина в светлом льняном костюме. – Просто скажите мне, каков ущерб, и я все улажу. Френсис, ты сильно пострадала? Врача вызвать?

– Ей не следовало садиться за руль, – качая головой, повторил шофер.

– А вам не следовало останавливаться так близко! – выпалила Лотти, возмущенная отсутствием сочувствия с его стороны.

Шофер даже не взглянул в ее сторону.

– Мне так жаль, – пробормотала женщина. – О боже! Что стало с моей юбкой!

– Так сколько? Пятнадцать шиллингов? Фунт? – Молодой человек начал отсчитывать банкноты из пачки, достав ее из внутреннего кармана. – Вот, забирайте. И пятерка сверху за беспокойство.

Шофер сразу успокоился. Скорее всего, он даже не владелец фургона, подумала Лотти.

– Что ж, ладно, – кивнул он. – Думаю, теперь все в порядке. – Он быстро убрал деньги, дальновидно прикинув, что лучше не искушать судьбу. – Раз так, мы продолжим. Пошли, ребята.

– Погляди на ее юбку, – прошептала Селия, подтолкнув подругу локтем.

Юбка Френсис с ярким принтом ивовых деревьев доходила почти до щиколоток и выглядела на удивление старомодно.

Лотти невольно занялась изучением остального наряда женщины: туфли чуть ли не

Эдвардианской эпохи, длинная нитка круглых янтарных бус...

– Богема! – прошипела она.

– Давай, Френсис. Нужно зайти в дом, пока ты не залила весь салон кровью. – Молодой человек сунул в рот сигарету и, осторожно поддерживая женщину за локоть, помог ей вылезти из машины.

Она направилась к дому, потом резко обернулась:

– Ой, ваш прелестный платочек. Я запачкала его кровью. – Она взглянула на него. – Вы из местных? Прошу вас, зайдите в дом, выпейте чая. А мы тем временем попросим Марни замочить его. Это самое меньшее, что я могу сделать. Джордж, позови Марни, а то я могу тебя забрызгать.

Лотти и Селия переглянулись.

– Это было бы чудесно, – сказала Селия.

И только когда за ними закрылась дверь, Лотти вспомнила, что цветы они оставили на дорожке.

* * *

В главном холле Селия уже не казалась такой уверенной. Более того, она так резко затормозила, что Лотти, отвлекшись на минуту, больно ткнулась носом в ее затылок. Это произошло не столько из-за врожденной нерешительности Селии (которую малыши в семье прозвали Острые Локотки), сколько из-за того, что она оказалась перед огромной картиной, прислоненной к изогнутым перилам лестницы прямо напротив входа. На этой картине, написанной маслом в пастозной технике, была изображена лежащая обнаженная женщина. Судя по позе, не из скромных, решила Лотти.

– Марни! Марни, ты там?! – крикнул Джордж, шедший впереди по плиточному полу мимо громоздившихся ящиков. – Марни, не могла бы ты принести нам теплой воды? Френсис больно ударилась. И нельзя ли между делом приготовить чай? У нас гости.

Из соседней комнаты послышался приглушенный ответ, хлопнула дверь. При отсутствии ковров и мебели звук усиливался, отражаясь от каменного пола в почти пустом помещении. Селия вцепилась в руку Лотти.

– Как ты думаешь, нам остаться? – прошептала она. – Какие-то они... несерьезные.

Лотти озиралась по сторонам: множество огромных картин, свернутые ковры у стены, похожие на согбленных старцев, африканские деревянные фигурки женщин с раздутым животом. Совсем не похоже на те дома, что она знала: дом ее родной матери – тесный, темный, забитый дубовой мебелью и дешевыми фарфоровыми побрякушками, насквозь пропахший угольной пылью и вареными овощами, не знающий покоя от игр соседской ребятни и шумного движения на улице; жилище Холденов – приземистый, удобный, семейный дом в псевдотюдоровском стиле, ценный не только тем, что в нем размещено, но и своей историей. Мебель в доме была унаследована, и к ней полагалось проявлять почтение – даже большее, чем к его обитателям. Запрещалось ставить на нее чашки, а детям – спотыкаться об нее. Все это, как говорила миссис Холден, полагалось «передать дальше», словно они сами были просто охранниками этих деревяшек. Дом постоянно готовили для кого-то: прибирали к приходу «дам», наводили порядок для доктора Холдена «к его возвращению с работы», а миссис Холден была таким хрупким маленьким королем Кнудом,

2] отчаянно старавшимся избавиться от неистребимой грязи и вечного беспорядка.

И вот этот дом – белый, яркий, чужой; необычной угловатой формы, с широкими, низкими матовыми окнами или иллюминаторами, сквозь которые можно увидеть море, наполненный экзотическими сокровищами, во всей его экзотической красе. Дом, где каждый предмет имел свою историю, начавшуюся в заморских землях. Лотти вдохнула запах соли, пропитавший стены за много лет, с примесью свежей краски. Почему-то он ее пьянил.

– Чай – это ведь так безобидно, правда?

Селия помолчала, взглядываясь в ее лицо.

– Только не говори маме. Она будет ругаться.

Они последовали за скорбной Френсис в главную гостиную, заполненную светом из четырех окон, выходящих на залив, два средних окна образовывали полукруглый эркер. У дальнего окна справа двое мужчин боролись с карнизом и тяжелыми портьерами, а слева молодая женщина, стоя на коленях в углу, расставляла книги в книжном шкафу со стеклянными дверцами.

– Это новая машина Джулиана. Он придет в ярость. Лучше бы я позволила тебе ее переставить. – Френсис опустилась на стул, проверяя, нет ли на платке свежей крови.

Джордж наливал ей большую порцию коньяка.

– Я разберусь с Джулианом. Лучше скажи, как твой нос, а то ты выглядишь словно с картины Пикассо, дорогая. Как думаешь, нам нужен врач? Аделина! Ты знаешь какого-нибудь врача?

– Мой отец врач, – подала голос Селия. – Я могла бы позвонить ему, если хотите.

Прошло несколько секунд, прежде чем Лотти заметила еще одну женщину. Та сидела абсолютно прямо на маленькой софе, скрестив ноги и сцепив руки перед собой, как будто суета вокруг совершенно ее не касалась. Волосы женщины, иссиня-черные, как вороново крыло, прилегали к голове блестящими волнами, платье из красного восточного шелка было не по моде длинным и узким, поверх него она надела жакет, расшитый павлинами с радужным оперением. У нее были огромные темные глаза, подведенные сурьмой, и маленькие, как у ребенка, ручки. Она сидела так неподвижно, что, когда кивнула в приветствии, Лотти чуть не подпрыгнула.

– Какая прелесть! Послушай, Джордж, не успели мы приехать, как ты уже нашел нам скаутов. – Женщина улыбнулась медленно и ласково, словно зачарованная.

Говорила она с каким-то явно иностранным акцентом, возможно с французским. Слова звучали тихо, загадочно, будто произносившая их слегка забавлялась. Что касается ее наряда и косметики, это было что-то невероятное, далеко выходящее за рамки возможного, даже для тех, чей жизненный опыт не ограничивался двумя полюсами – Мерхемом и Уолтоном. Лотти остолбенела. Взглянув на Селию, она убедилась, что подруга тоже ничего не понимает.

– Аделина, познакомься... О боже, я ведь даже не спросила, как вас зовут. – Френсис прижала руку ко рту.

– Селия Холден. И Лотти Свифт, – сообщила Селия, выделявая что-то непонятное ногами. – Мы живем за парком. На Вудбридж-авеню.

– Девочки были так любезны, что одолжили мне свой носовой платок, – пояснила Френсис. – Я его сильно испачкала.

– Бедняжка. – Аделина взяла Френсис за руку.

Лотти наблюдала за ними, ожидая ласкового пожатия или похлопывания. Вместо этого, нежно поглаживая руку, Аделина поднесла ее к рубиновым губам и на глазах у всех без

намека на смущение медленно наклонилась и поцеловала.

– Как это ужасно для тебя.

Наступила короткая тишина.

– О, Аделина, – печально сказала Френсис и убрала руку.

Лотти, у которой перехватило дыхание от такой эксцентричной демонстрации, не предназначенной для чужих глаз, даже не смела взглянуть на Селию.

Но затем Аделина, после секундной паузы, вновь повернулась к присутствующим, и теперь ее улыбка была ослепительно-яркой.

– Джордж, я не успела тебе сказать. Себастьян прислал нам из Суффолка артишоки и яйца вальдшнепов. Разве это не мило? Мы сможем приготовить их на ужин.

– Хвала Господу. – Джордж к тому времени успел присоединиться к работникам у окна и теперь помогал им навешивать карниз. – А то у меня душа не лежала к жареной рыбе с картошкой.

– Не будь таким снобом, дорогой. Нет ничего чудеснее жареной рыбы с картошкой. Правда, девочки?

– Мы, право, не знаем, – поспешила ответить Селия. – Мы ходим только в приличные рестораны.

Лотти прикусила язык, вспомнив, что всего лишь на прошлой неделе они сидели на волнорезе с братьями Уэстерхаус и уплетали жареного ската с промасленной газеты.

– Разумеется, – тихо и томно произнесла Аделина с легким акцентом. – Вы молодцы. А теперь, девушки, назовите мне самое лучшее, что есть в Мерхеме.

Селия и Лотти недоуменно переглянулись.

– Да нет тут ничего особенного, – начала Селия. – Жить здесь довольно скучно. Есть теннисный клуб, но зимой он закрыт. А еще кинотеатр, но киномеханик часто болеет, а заменить его некому. Если хочется провести время в каком-нибудь шикарном месте, приходится ехать в Лондон. Большинство так и делают. Если вы хотите провести по-настоящему хороший вечер – пойти в театр или первоклассный ресторан... – Она трещала, напустив на себя беспечный вид, но все равно спотыкалась о собственную ложь.

Лотти посмотрела на Аделину и увидела, что ее улыбка слегка померкла.

– Море, – выпалила она, испугавшись, что эта женщина потеряет к ним интерес.

Аделина повернулась к ней, слегка приподняв брови.

– Море, – повторила Лотти, стараясь не обращать внимания на разъяренную Селию. – То есть жизнь у моря. Это самое лучшее – слышать его шум день и ночь, вдыхать его запах, гулять вдоль берега и смотреть за горизонт, где скругляется земля... Сознать, что там, в глубине, происходит столько всего такого, что нам никогда не увидеть и не узнать. Словно за твоим порогом сразу начинается какая-то великая тайна... А еще штормы. Когда волны перехлестывают через волнорез, ветер гнет деревья как траву, а ты наблюдаешь за всем этим, сидя в доме, где тепло, сухо и уютно... – Она запнулась, поймав возмущенный взгляд Селии. – Во всяком случае, именно это мне нравится.

В наступившей тишине казалось, что она дышит неестественно громко.

– Прекрасно, – произнесла Аделина и так пристально посмотрела на Лотти, что девушка разумянилась. – Я уже рада, что мы сюда переехали.

– Так насколько сильно она повредила фургон? Думаешь, они привезут его в мастерскую отца? – Джо отодвинул пустую кофейную чашку на край пластиковой стойки, вид у него был серьезный. Впрочем, у Джо всегда был такой вид. На людей он смотрел с какой-то почтительной озабоченностью, что совершенно не вязалось с его веснушчатым румяным лицом.

– Не знаю, Джо. Разбита была всего лишь фара или еще что-то.

– Да, но отремонтировать все равно нужно.

За его спиной, иногда заглушаемая звоном дешевой посуды и скрипом передвигаемых стульев, звучала песня Альмы Коган «Dreamboat». Лотти разглядывала некрасивые черты своего спутника, жалея, что вообще упомянула о визите к Аделине Арманд. Джо всегда задавал не те вопросы и обычно сводил всякий разговор к отцовскому гаражу. Джо, как единственный сын, однажды унаследует разваливающийся бизнес, это тяжелое наследство уже давило на него, словно бремя, которое суждено взвалить на свои плечи принцу-регенту. Она-то надеялась своим доверительным рассказом мысленно перенести его к странным, экзотическим людям, в тот огромный дом, похожий на океанский лайнер, чтобы он тоже вырвался, быть может, из тесноты маленького мирка курортного Мерхема. Но Джо интересовался только земными делами, его воображение ограничивалось домашними заботами: как же их горничная приготовила чай, если они еще не успели распаковать сундуки? Какую именно фару разбила та женщина? Не разболелась ли у них всех голова от запаха свежей краски? И Лотти вдруг разозлилась на себя за то, что рассказала ему о необычном визите, и почувствовала неодолимое желание описать картину с голой женщиной, просто чтобы заставить его покраснеть. Джо имел обыкновение краснеть по любому поводу.

Она бы обсудила все это с Селией, но Селия с ней не разговаривала. С тех самых пор, как они вернулись домой. Правда, по дороге Селия не умолкала:

– Ты что, нарочно сконфузила меня перед теми людьми? Лотти! Поверить не могу, что ты наболтала столько ерунды насчет моря. Можно подумать, тебе не все равно, какая там обитает рыба, – ты ведь даже плавать не умеешь!

Лотти хотелось поговорить с ней об истории венгерских принцесс и о том, что Аделина поцеловала руку Френсис, словно ее почитательница, а также о том, кем им приходится Джордж (не похоже, чтобы он был мужем одной из них: слишком большое внимание он оказывал обеим женщинам). Ей хотелось поговорить об Аделине, которая сидела сложа руки на софе и ничего не делала, когда вокруг столько работы и в доме царит полный хаос.

Но Селия в эту минуту увлеченно беседовала с Бетти Крофт, обсуждая возможность поездки в Лондон до конца лета. Поэтому Лотти ничего не оставалось, как только сидеть и ждать, когда утихнет эта летняя буря.

Только беда в том, что Селия рассердилась на Лотти не на шутку. Время шло, облака на небе становились темнее, наливаясь дождем, кафе заполнили непослушные дети с раздраженными родителями, которые несли в руках мокрые, грязные пляжные полотенца, а она по-прежнему не обращала внимания на Лотти – ни на ее попытки вступить в разговор, ни на ее предложение отведать кусочек пудинга. Даже Бетти, которой обычно нравилось наблюдать яростные перепалки между подругами, начала испытывать неловкость.

«О боже, – подумала Лотти, безропотно смиряясь, – мне еще аукнется тот визит».

– Пожалуй, пойду домой, – вслух произнесла она, глядя на кофейную гущу на дне чашки. – Погода портится.

Джо поднялся с места:

– Тебя проводить? У меня есть зонтик.

– Как хочешь.

В одной из комнат, должно быть кабинете, у стены стоял портрет Аделины Арманд. Не обычный портрет, а какой-то неряшливый, небрежный, словно художник не видел как следует, куда класть краски, и делал мазки наугад. Но все равно в портрете угадывалась хозяйка дома. Ее иссиня-черные волосы. Ее полуулыбка.

– В субботу над Клактоном прошла буря. Снег в апреле, можешь поверить?

Ей было наплевать на машину. Она даже не захотела взглянуть, каков ущерб. А тот мужчина – Джордж – отсчитал несколько банкнот так, словно это были простые бумажки.

– В теплый солнечный день вдруг посыпал град – и все за какие-то пару часов. А ведь на пляже отдыхали люди. Полагаю, некоторые из них даже плавали. Ты промокнешь, Лотти. Держись за меня.

Лотти просунула руку под локоть Джо и обернулась, чтобы разглядеть фасад виллы «Аркадия». Единственный дом из всех, что она когда-либо видела, который одинаково величественно смотрелся со всех сторон. Видимо, архитектор не мог допустить, чтобы вид сзади или сбоку уступал фасаду.

– Джо, ты бы хотел жить в таком доме? – Лотти остановилась, не обращая внимания на дождь. У нее слегка кружилась голова, словно события дня выбили ее из равновесия.

Джо посмотрел на нее, затем бросил взгляд на дом и слегка нагнулся, проверяя, хорошо ли она укрыта зонтом.

– Слишком уж он похож на корабль.

– Но это и хорошо. Ведь рядом море.

Джо выглядел озабоченным, словно не мог ухватить суть ее слов.

– Представь. Можно помечтать, что ты на лайнере. Плынешь в океане. – Лотти закрыла глаза, на секунду забыв о ссоре с Селией и воображая себя на верхних этажах дома. Как повезло той женщине, что вокруг нее столько простора, столько места, чтобы посидеть и помечтать. – Если бы у меня был такой дом, я бы, наверное, стала самой счастливой девушкой в мире.

– Я бы хотел дом с видом на бухту.

Лотти удивленно взглянула на Джо. Никогда раньше он не говорил о своих желаниях. Именно это качество делало его таким легким, хотя и не очень интересным собеседником.

– Правда? Ну а я хотела бы дом с видом на бухту, с окнами-иллюминаторами и огромным садом.

Джо слегка улыбнулся, уловив какие-то нотки в ее тоне.

– И с огромным прудом, в котором плавали бы лебеди, – добавила она, поощряя его продолжить.

– И с араукарией, – сказал он.

– О да! – воскликнула она. – Непременно с араукарией! И с шестью спальнями, а еще с отдельной гардеробной. – Теперь они шли медленнее, лица их порозовели от мелкого дождя, принесенного с моря.

Джо задумчиво нахмурил лоб:

– И с пристройкой на три машины.

– Вечно ты со своими машинами! Я хотела бы большой балкон, чтобы выйти туда из спальни и оказаться над морем.

– Под балконом – бассейн. Чтобы можно было просто прыгнуть с него, если захочешь окунуться.

Лотти расхохоталась:

– С утра пораньше! Прямо в ночнушке! Точно! А на первом этаже – кухня, чтобы горничная подала мне завтрак, когда я наплаваюсь вдоволь.

– И стол, прямо у бассейна, чтобы я мог сидеть там и наблюдать за тобой.

– А еще один из тех больших зонтов... Что ты ска... – Лотти замедлила шаг. Улыбка исчезла с ее лица, и она краем глаза настороженно посмотрела на Джо. Ей даже показалось, что он уже не так крепко держит ее руку, как будто ожидает, что она вот-вот отстранится. – Ох, Джо... – Лотти вздохнула.

Они начали молча карабкаться вверх по крутой тропе. Одинокая чайка полетела впереди них, временами опускаясь на перила, убежденная, вопреки очевидному, что сейчас обязательно появится угощение.

Внезапно рассердившись, Лотти махнула рукой, прогоняя птицу.

– Я уже говорила тебе, Джо, что в этом смысле ты меня не интересуешь.

Джо смотрел прямо перед собой, щеки его слегка побагровели.

– Ты действительно мне нравишься. Даже очень. Но не так, как тебе хотелось бы. И очень тебя прошу больше об этом не говорить.

– Я просто решил... Я подумал... когда ты заговорила о доме...

– Это была игра, Джо. Глупая игра. Ни у тебя, ни у меня никогда не будет дома даже в два раза меньше «Аркадии». Идем. Не дуйся, пожалуйста. Или я буду вынуждена пойти дальше одна.

Джо остановился, отпустил руку Лотти и повернулся к ней лицом. Он помрачнел и казался совсем юным.

– В таком случае обещаю, что больше никогда не заговорю об этом. Но если бы ты вышла за меня, Лотти, тебе не пришлось бы возвращаться в Лондон.

Она взглянула на зонт, затем отодвинула его от себя, позволив морским брызгам и дождю покрыть ее голову тонким туманом.

– Я не собираюсь замуж. И, как я уже говорила, не собираюсь возвращаться, Джо. Никогда.

Миссис Колкухоун сделала глубокий вдох, разгладила спереди юбку и кивнула пианистке. Ее гнусавое сопрано взмыло вверх, словно юный скворец, совершающий первый робкий полет, и полетело в дальний конец переполненной комнаты, после чего рухнуло вниз, как подстреленный жирный фазан, заставив Сильвию и Фредди, нашедших убежище за кухонной дверью, сползти на пол, зажимая рты и хватаясь друг за дружку, чтобы не дать вырваться наружу безудержному хохоту.

Лотти пыталась удержать улыбку, покусывая губы.

– Я бы не слишком веселилась, – прошептала она не без удовольствия. – Ты записана выступать с ней в дуэте на собрании «Вдов и сирот».

За шесть коротких месяцев, прошедших с момента возникновения «салонов» миссис Холден, они приобрели некую славу (или сомнительную известность – никто точно не знал) в культурных сферах мерхемского общества. Почти все, кто считал себя уважаемым в городе человеком, посещали раз в две недели субботние собрания, заведенные миссис Холден в надежде скрасить, как она выразилась, «легкой ноткой культуры» жизнь приморского городка. Дам приглашали прочесть отрывок из какой-нибудь хорошей книги (выбор этого месяца пал на избранные произведения Джорджа Герберта^[3]), или сыграть на пианино, или, если кто-то наберется храбрости, спеть песенку. В конце концов, разве есть у их друзей в этом городе хоть какие-то причины полагать, что они живут в вакууме?

И если в голосе миссис Холден звучал намек на печаль, когда она задавала этот вопрос (что делала часто), в том виновата кузина Анджела, которая жила в Кенсингтоне и однажды со смехом заметила, что культурную жизнь Мерхема в большой степени обогатило бы строительство пирса. От этих слов улыбка миссис Холден, не сходявшая с ее лица, заметно дрогнула, и прошло несколько месяцев, прежде чем она сумела заставить себя вновь пригласить Анджелу.

Посещаемость, однако, не гарантировала качества, что доказывали вокальные потуги миссис Колкухоун. Несколько дам быстро заморгали и принялись чаще, чем было необходимо, прикладываясь к своим чашкам чая. Когда миссис Колкухоун подобралась к мучительному финалу, многие начали украдкой переглядываться. Очень трудно решить, какую степень честности от тебя ожидают.

– Не стану утверждать, будто лично с ней знакома, но она сама называет себя актрисой, – сообщила миссис Ансти, когда утихли робкие аплодисменты. – Она вчера разговаривала с моим Артуром, когда заглянула купить крем для рук. Очень оказалась... разговорчивой. – В последнее слово она сумела вложить некую долю неодобрения.

Вот за этим и пришли дамы. Посторонняя болтовня закончилась, несколько женщин даже наклонились вперед над своими чашками.

– Она венгерка?

– Неизвестно. – Миссис Ансти явно наслаждалась своей ролью просветителя. – Мой Артур даже отметил, что для женщины, которая так много говорит, она почти ничего о себе не рассказала.

Дамы переглянулись, приподняв брови, словно это обстоятельство само по себе являлось подозрительным.

– Предполагается, что имеется муж. Но я не видела даже его тени, – сказала миссис

Чилтон.

– А я часто вижу там какого-то мужчину, – заявила миссис Колкухоун, все еще разгоряченная после своих певческих экзерсисов. Впрочем, она часто пребывала в состоянии разгоряченности: с тех пор как из Кореи вернулся муж, она была сама не своя. – Моя Джуди спросила их горничную, кто это, а та просто ответила: «О, это мистер Джордж» – как будто что-то объяснила.

– Он ходит в льняных костюмах. Причем все время. – По мнению миссис Чилтон, это была настоящая экстравагантность. Миссис Чилтон была вдовой, владелицей «Аплендса» – одного из самых больших пансионатов на Променаде. При обычных обстоятельствах ее не допустили бы на это собрание, но, как миссис Холден объяснила Лотти, все знали, что Сара Чилтон выбрала в мужа неровню, а после смерти мужа приложила огромные усилия, чтобы вернуть себе былое положение. К тому же она управляла очень уважаемым заведением.

– Дамы, могу ли я предложить еще чая? – Миссис Холден наклонилась к кухонной двери, стараясь не перегибаться слишком сильно из-за тесного корсета, который она купила на размер меньше, о чем Селия с насмешкой сообщила Лотти. Он оставлял огромные красные рубцы вокруг бедер. – Куда подевалась эта девушка? Все утро бегаёт неизвестно где.

– Она сказала моей Джуди, что не хотела переезжать. Они, видите ли, жили в Лондоне. Кажется, уехали оттуда в большой спешке.

– Что ж, меня не удивляет, что она из театрального мира. Одевается она очень вызывающе.

– Это еще мягко сказано, – фыркнула миссис Чилтон. – Такое впечатление, что она выбирает вещи из коробки с детскими нарядами.

По комнате пробежал легкий смешок.

– Нет, вы ее видели? Вся в шелках и украшениях – и это в одиннадцать часов утра! На прошлой неделе она зашла в пекарню в мужской шляпе. Фетровой! Миссис Хаттон с Променада настолько опешила, что ушла с полдюжиной кремовых трубочек, которые не заказывала.

– Ладно, дамы, – сказала миссис Холден, не одобрявшая сплетен. Лотти всегда подозревала, что это объяснялось ее небезосновательным опасением самой стать предметом обсуждения. – Кто следующий? Сара, дорогая, вы разве не собирались прочесть нам что-то прелестное из Вордсворта? Или это был снова мистер Герберт? Стихотворение про метлу?

Миссис Ансти осторожно вернула чашку на блюдце.

– Могу сказать только, что, по-моему, она немного странная. Назовите меня старомодной, но я во всем люблю порядок. Один муж. Дети. И никаких поспешных переездов.

Со всех сторон последовали многочисленные кивки.

– Давайте почитаем из Джорджа Герберта. «Я громко стукнул кулаком: но, всё! Испил до дна!»^[4] Так, кажется? – Миссис Холден поискала взглядом книгу на низком столике. – Никогда не могу запомнить точные слова. Дейрдре, у вас есть экземпляр?

– Она до сих пор никого не пригласила посмотреть дом. Хотя, насколько я слышала, вместе с ней там поселились самые разные люди.

– Следовало бы ожидать небольшого приема. Даже Макферсоны устроили небольшой прием. Это всего лишь знак вежливости, если на то пошло.

– Может быть, что-то из Байрона? – едва ли не взмолилась миссис Холден. – Как насчет

Шелли? Никак не вспомню, кого вы называли. Да где же эта девушка? Вирджиния! Вирджиния!

Лотти бесшумно скользнула за дверь. Она старалась не попадаться миссис Холден на глаза, не раз получая выговоры за свою «пристальность». Недавно миссис Холден сказала, что Лотти как-то странно смотрит на людей и они чувствуют себя неловко. Лотти тогда ответила, что ничего не может поделать: с тем же успехом ее можно обвинить в том, что у нее волосы прямые или руки не той формы. А про себя подумала, что, наверное, только миссис Холден испытывает неудобство. Впрочем, в последнее время миссис Холден, кажется, от всего испытывала неудобство.

Лотти знала, что хозяйка дома пыталась прервать обсуждение актрисы еще и потому, что Аделина Арманд тоже заставляла ее испытывать неудобство. Когда она услышала, что доктор Холден побывал на вилле, чтобы осмотреть нос Френсис, у нее начал подергиваться подбородок – точно так же, как когда доктор говорил, что «сегодня немного опоздает на ужин».

Тем временем в соседней комнате появилась наконец Вирджиния и забрала поднос. Ее приход вынудил всех ненадолго притихнуть. Миссис Холден, выдохнув с облегчением, начала хлопотать, гоняя девушку то к одной, то к другой гостье.

– Завтра состоится собрание Ассоциации владельцев гостиниц, – смахивая с уголков рта несуществующие крошки, объявила миссис Чилтон, когда горничная ушла. – Есть мнение, что нам всем следует поднять цену.

Об Аделине Арманд на время забыли. Хотя дамы, собравшиеся в салоне, не принадлежали к тем семьям, которые зависели от сезонного бизнеса (миссис Чилтон была единственной, кто действительно работал), мало у кого в Мерхеме доходы не возрастали благодаря летним отдыхающим. Почти у всех летом дела шли в гору, а потому мистер Ансти, владелец аптеки, мистер Бертон, хозяин ателье сразу за Променадом, даже мистер Колкухоун, сдававший в аренду туристам свое нижнее поле с передвижными домиками, и многие другие обращали особое внимание на мнения и решения целиком женской всемогущей Ассоциации владельцев гостиниц.

– Некоторые подумывают о десяти фунтах в неделю. Столько берут во Фринтоне.

– Десять фунтов! – пронесся по гостиной шепот.

– В таком случае они предпочтут Уолтон, даже не сомневайтесь. – Миссис Колкухоун неожиданно побледнела. – Как-никак в Уолтоне есть развлечения.

– Что ж, должна сказать, Дейрдре, тут я с тобой согласна, – заявила Сара Чилтон. – Лично мне не кажется, что они такое потерпят. К тому же весна нынче ненастная, так что нам лучше не перегибать палку. Но что касается ассоциации, то я оказалась в меньшинстве.

– Но десять фунтов!

– Те, кто сюда приезжает, делают это не ради развлечений. Им нужен более... спокойный отдых.

– И они могут себе его позволить.

– Сейчас никто не может себе его позволить, Элис. Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто готов швырять деньги направо и налево?

– Давайте не будем говорить о деньгах, – попросила миссис Холден, когда Вирджиния вернулась со свежим чаем. – Это как-то... вульгарно. Пусть денежными вопросами занимаются дамы из ассоциации. Я уверена, они лучше знают, как поступить. Скажите-ка нам, Дейрдре, что вы сделали со своими талонными книжками? Сара, для вас, должно быть,

большое облегчение, что гостям больше не приходится их привозить. Я хотела выбросить наши в помойное ведро, но дочь заявила, что нам следует поместить их в рамочку. Только представьте! В рамочку!

* * *

У Лотти Свифт были темные, почти черные глаза и прямые каштановые волосы, какие обычно встречаются у представителей азиатских субконтинентов. Летом ее кожа сразу покрывалась загаром, а зимой приобретала желтоватый оттенок. Нежелательность такой смуглости, хотя и неяркой, была одной из тех немногих вещей, по поводу которых мама Лотти и Сьюзен Холден, будь они знакомы, пришли бы к согласию. Там, где Селия по доброте душевной видела смуглую Вивьен Ли или Джин Симмонс, мама Лотти всегда видела лишь «мазок дегтярной кисти» или вечное напоминание о португальском матросе, с которым познакомилась, когда праздновала свое восемнадцатилетие возле доков в Тилбери. Знакомство оказалось коротким, но с далеко идущими последствиями.

– В тебе течет отцовская кровь, – с упреком бормотала она, пока Лотти росла. – Уж лучше б ты исчезла вместе с ним. – После этого она обычно яростно притягивала к себе девочку в удушающем объятии и тут же резко отстраняла, словно подобное проявление чувств допускалось только в определенных пределах.

Миссис Холден была не столь безапелляционна и лишь советовала Лотти чуть больше выщипывать брови. А еще она не считала разумным так много времени проводить на солнце: «Помни, какой темной ты становишься от загара. Ты же не хочешь, чтобы люди принимали тебя за... хм, цыганку или еще кого». В ее голосе проскальзывала жалость. Отпустив подобное замечание, миссис Холден замолкала, словно опасалась, что сказала слишком много. Однако Лотти не обижалась. Трудно обижаться на того, кого ты сам жалеешь.

Аделина Арманд придерживалась другого мнения. Она считала, что смуглость Лотти вовсе не свидетельство ее низкого статуса или недостатка породы, а, скорее, доказательство экзотичности, которую Лотти еще предстоит почувствовать, проявление необычной красоты.

– Френсис обязательно должна тебя нарисовать. Френсис, слышишь? Только не в этом ужасном наряде. Саржа и хлопок! Нет, возьмем что-нибудь яркое. Что-нибудь шелковое. Иначе, Лотти, дорогая, ты затмеваешь те вещи, что носишь. Ты... тлеешь. Разве нет?

Ее акцент был настолько сильным, что зачастую Лотти стоило большого труда правильно уловить смысл сказанного и быть уверенной, что ее не оскорбляют.

– Скорее, плесневеешь, – фыркнула Селия, очень недовольная комментариями Аделины. Она привыкла быть центром внимания, но Аделина насчет ее внешнего вида только и сказала: «Очаровательна, типичная англичанка». Слово «типичная» ужалило особенно больно.

– Она похожа на Фриду Кало.^[5] Тебе так не кажется, Френсис? Глаза, например. Ты кому-нибудь позировала?

Лотти непонимающе взглянула на Аделину. «Что делала?» – хотелось спросить ей. Аделина ждала.

– Нет, – вмешалась Селия. – А вот я позировала. Несколько лет назад мы сделали семейный портрет для нашей гостиной.

– А-а... Семейный портрет. Очень... достойная живопись, не сомневаюсь. Ну а ты что

скажешь, Лотти? Твоя семья тоже позировала для портрета?

Лотти взглянула на Селию, представляя, каким мог бы быть этот портрет. Вместо того чтобы принять элегантную позу, сложив руки на коленях, как на портрете Сьюзен Холден, висевшем над каминной полкой в гостиной, мать сидела бы, нахмурившись и недовольно поджав губы: загрубевшие, испещренные пятнами от шитья обуви на фабрике руки, жиденькие крашенные волосенки, зализанные назад после безуспешной попытки накрутить их на бигуди и закрепленные двумя некрасивыми заколками. А рядом стояла бы Лотти с бесстрастным, как всегда, лицом и внимательным взглядом. И там, где позади своей семьи стоял доктор Холден, на их портрете осталась бы большая зияющая дыра.

– Лотти какое-то время не видела свою семью, правда, Лот? – вступилась за нее Селия. – Наверное, ты даже не помнишь, есть ли у вас портрет или нет.

Селия прекрасно знала, что самое большее, на что оказалась способна мать Лотти в плане портрета, – это позировать для общей фотографии работниц на открытии фабрики «Кожаный эмпориум» сразу после войны. Мать Лотти тогда вырезала фотографию, и Лотти хранила ее, даже когда та пожелтела и начала рассыпаться, хотя лицо матери получилось таким маленьким и нечетким, что невозможно было определить, она это или нет.

– По правде говоря, я больше не езжу в Лондон, – медленно произнесла девушка.

Аделина наклонилась к ней:

– В таком случае мы обязательно должны написать твой портрет, чтобы ты подарила его своим родным, когда увидишься с ними. – Она дотронулась до руки Лотти, и та, замороженная сложным макияжем ее глаз, подпрыгнула. Наверное, испугалась, как бы Аделина не поцеловала ей руку.

Только с пятым визитом девушек на виллу «Аркадия» их первоначальная сдержанность по поводу странной и, вероятно, легкомысленной толпы, которая там проживала, постепенно начала исчезать. Ее место заняли любопытство и растущая с каждым днем уверенность, что, несмотря на картину с обнаженной натурщицей и неустроенность быта, все, там происходящее, гораздо интереснее, чем их обычные прогулки в город, возня с детьми или походы в кафе, чтобы побаловать себя мороженым или кофе.

Нет, в этом доме всегда что-то происходило, подобно бесконечному театральному представлению. Вокруг дверных проемов или по всему периметру появлялись странные нарисованные бордюры. К стенам в беспорядке лепились наспех написанные статьи – обычно о художниках или актерах. На стол подавали экзотическую еду, присланную из различных поместий по всей стране. То и дело появлялись и исчезали новые гости, но редко кто из них задерживался достаточно долго, чтобы успеть представиться, – неизменной оставалась только основная группа.

Девушек всегда встречали радушно. Однажды они пришли и увидели, что Аделина наряжает Френсис индийской принцессой, драпирует ее тонкими шелками, расшитыми золотыми нитями, рисует сложные узоры на кистях рук и на лице. Сама она нарядилась принцем. Ее необычный головной убор из затейливо сплетенных тканей, украшенный павлиньими перьями, похоже, был настоящим. Марни, горничная, стояла поодаль и с недовольным видом наблюдала, как Аделина раскрашивает кожу Френсис холодным чаем, а когда ей велели принести муку, чтобы припудрить волосы Аделины, удалилась в глубоком возмущении. Девушки молча наблюдали, как обе женщины принимают разные позы, а худой юноша, который представился довольно помпезно: «Школа Модотти», их фотографирует.

– Нужно куда-нибудь отправиться в таком виде. Например, в Лондон, – веселилась

после Аделина, рассматривая свое изображение в зеркале. – Будет очень весело.

– Как розыгрыш «Дредноута».

– Что-что? – Селия забыла о своих манерах, как с ней частенько случалось в «Аркадии».

– Это очень хорошая шутка, которую много лет назад сыграла Вирджиния Вульф, – вмешался Джордж, давно наблюдавший за всем происходящим. Он только и делал, что наблюдал. – Они с друзьями вымазались черной краской и отправились в Уэймут под видом императора Абиссинии и его императорской свиты. В результате флаг-адъютант или еще кто устроил в их честь королевский салют и провел экскурсию по всему кораблю его величества – линкору «Дредноут». Это наделало много шума.

– Зато как было весело! – Аделина захлопала в ладоши. – Да! Можно назваться раджой из Раджастана. И посетить Уолтон-он-те-Нейз. – Она закружилась, смеясь, и полы ее расшитого кафтана развевались в такт. Она могла быть такой: ребячливой и восторженной, словно вовсе не взрослая женщина, отягощенная привычными делами и заботами, а юное создание, как Фредди или Сильвия.

– Полно, Аделина. Давай без театральных эффектов. – Устало взмолилась Френсис. – Вспомни Колторп-стрит.

Вечно она так. Позже Селия призналась, что в половине случаев не понимает почти ни слова из того, что говорится. И виной тому был не только акцент. Обитательницы «Аркадии» не говорили об обычных вещах: о событиях в деревне, ценах или погоде. Во время беседы они могли неожиданно отклониться от темы и заговорить о писателях и людях, о которых ни Лотти, ни она никогда не слышали, и при этом обнимали друг друга так, что миссис Холден сочла бы их поведение скандальным. А еще они спорили. Боже, как они спорили! О Бертроне Расселе, сказавшем, что следует запретить бомбу. О поэзии. Обо всем на свете. В первый раз, когда Лотти услышала, как Френсис и Джордж «обсуждают» кого-то по имени Джакометти, ^[6] разговор шел так страстно и яростно, что она испугалась, как бы Френсис не получила оплеуху. У них в доме, когда мать спорила со своими приятелями на таких высоких нотах, оплеуха была бы неизбежна. В доме Холденов вообще никогда не спорили. Но Френсис, обычно сдержанная, меланхоличная Френсис, решительно отметала каждое критическое слово в адрес Джакометти, произнесенное Джорджем, а под конец заявила, что его проблема в одном: нужно научиться «воспринимать сердцем, а не умом», и вышла из комнаты. Но прошло лишь полчаса, и она вернулась как ни в чем не бывало и спросила, не отвезет ли он ее в город на своей машине.

Казалось, они не подчиняются никаким общепринятым правилам. Однажды Лотти пришла одна, и Аделина провела ее по дому, демонстрируя размеры и неповторимую форму каждой комнаты, не обращая внимания на горы книг и пыльные ковры, до сих пор распаханные по разным углам. Миссис Холден ни за что не позволила бы кому-то осматривать ее дом в таком незаконченном, неприбранном состоянии. Но Аделина, похоже, этого даже не замечала. Когда Лотти несмело указала на отсутствие одной балясины на лестнице, Аделина слегка удивилась и со своим неопределимым акцентом пояснила, что они скажут Марни и та обо всем позаботится. «А как же ваш муж?» – хотелось спросить Лотти, но Аделина уже уплыла в другую комнату.

А еще очень странными казались отношения Аделины с Френсис: женщины походили не столько на сестер (во всяком случае, они не спорили как сестры), сколько на пожилых супругов: договаривали фразы друг друга, смеялись только им известным шуткам, вспоминали забавные случаи о тех местах, где бывали вместе, никогда не рассказывая

историю до конца. Аделина говорила много и обо всем, но при этом не рассказывала ничего. Когда Лотти вспоминала свои посещения, а она это делала, поскольку каждое из них было наполнено яркими красками и впечатлениями, требовавшими последующего неторопливого осмысления, она понимала, что знает об актрисе не больше, чем в день их знакомства. Ее муж, имя которого она так до сих пор и не назвала, «работал за границей». «Дорогой Джордж» – «такой блестящий ум» – имел отношение к экономике. («Бьюсь об заклад, такой блестящий поклонник», – сказала Селия, все больше влюблявшаяся в предпочитавшего льняные костюмы молодого человека.) На каких правах Френсис жила в доме, так и не было объяснено, хотя девушки заметили, что, в отличие от Аделины, она не носила обручального кольца. Но Аделина не только не рассказывала сама, но и не спрашивала Лотти. Узнав лишь мелкие частности, которые ее занимали: рисовали ли портрет Лотти, интересуется ли она теми или иными вещами, Аделина не удосужилась спросить, кто ее родители, какое место она занимает в мире, какова ее история.

Все это казалось Лотти невероятно странным. Она выросла в двух домах, где, несмотря на их огромную разницу, жизненная история человека предопределяла то, что случится с ним в дальнейшем. В Мерхеме ее жизнь в доме Холденов означала, что ей предоставлялись все блага, которые Селия получала по праву: образование, воспитание, одежда и еда. Хотя в глубине души обе стороны сознавали, что эти дары не совсем безусловны, особенно теперь, когда Лотти приближалась к своему совершеннолетию. Миссис Ансти, Чилтоны, Колкухоуны и другие обитатели Мерхема моментально оценивали человека по его происхождению и своим воспоминаниям, давая ему характеристики, просто основываясь на известных им фактах: «Он один из Томпсонов. Они все склонны к лени» или «Конечно, она ушла, иного и быть не могло. Ее тетка сбежала из дома спустя два дня после родов». Их не интересовало, что любит человек, во что он верит. Селию они всегда готовы были прижать к своей общей груди только за то, что она докторская дочка и принадлежит к одному из лучших семейств Мерхема. И ничего страшного, что официально ее признавали «сущим наказанием». Но стоило бы Лотти обратиться к миссис Чилтон с вопросом, который однажды задала Аделина Арманд: «Если бы вам довелось на один день оказаться в чужом теле, кто бы это был?», – миссис Чилтон сразу предложила бы поместить Лотти в хорошее заведение в Брейнтри, где есть доктора, которые умеют обращаться с такими людьми... Вот, например, бедная миссис Макграт проживает там с тех пор, как она спятила, когда у нее появились месячные. Обительницы «Аркадии» определенно принадлежат к богеме, решила Лотти, недавно открывшая для себя это слово. Богема по-другому себя и не ведет.

– Мне все равно, кто они, – заявила Селия. – Зато они гораздо интереснее, чем старые зануды, что живут здесь.

* * *

Не часто Джо Бернард оказывался в центре внимания не одной, а сразу двух самых привлекательных местных девушек. Чем дольше Аделина Арманд жила в Мерхеме, тем больше беспокойства вызывал ее странный образ жизни, поэтому Лотти и Селии приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы скрыть свои визиты, а в субботу, в день приема на свежем воздухе, им ничего не оставалось, кроме как обратиться к Джо. Присутствие матерей почти всех подруг в их доме означало, что они не могли сослаться на

визит к ним. К тому же Сильвия, очень недовольная тем, что Селия не выполнила обещания и близко не подпустила ее к своему новому проигрывателю, пригрозила выследить девушек и донести, если они на шаг свернут в сторону от дозволенного маршрута. В общем, Джо, взяв выходной в гараже, согласился приехать за ними на машине и сделать вид, что повезет их на пикник в Барднесс-Пойнт. Особого энтузиазма он не проявил (Джо не любил лгать – он тогда краснел больше обычного), но Лотти применила то, что Селия теперь саркастически называла «тлеющий взгляд», и это решило дело.

За пределами полумрака гостиной миссис Холден стоял прекрасный день, тот майский выходной, который предвещает приход жаркого летнего времени, когда улицы Мерхема наполняются разморенными семействами, а витрины мелких лавочек выплескивают на тротуар яркие пляжные мячи и открытки. Повсюду слышались крики перевозбужденных детей, летали смешанные ароматы карамели и масла для загара. Пронизывающий ветер, измучивший восточное побережье, в последние несколько дней затих, температура и настроение поднялись, поэтому казалось, пусть и преждевременно, что наступило лето. Лотти высунулась из окошка и подставила лицо солнцу. Даже спустя столько лет она не переставала испытывать радостное волнение от того, что живет у моря.

– Чем ты займешься, Джо, пока мы будем там? – Селия на заднем сиденье красила губы.

Джо проехал железнодорожный переезд, разделявший городок на две части. Хотя вилла «Аркадия» находилась (если брать по прямой) на расстоянии меньше мили от Вудбридж-авеню, чтобы добраться туда по дороге, нужно было заехать в город, миновать муниципальный парк и вернуться на извилистую прибрежную дорогу.

– Съезжу в Барднесс-Пойнт.

– Что, один? – Селия защелкнула пудреницу. На ней были белые перчатки и ярко-красное платье с широкой юбкой, до предела ушитой в талии. Она не нуждалась в корсетном поясе, хотя мать не оставляла попыток натянуть его на дочь, утверждая, что он «мобилизует».

– Это на тот случай, если твоя мать спросит меня насчет погоды, когда я вас привезу домой. Мне нужно знать, как там на самом деле, чтобы я мог прямо ответить, не сбиваясь.

Лотти внезапно почувствовала укор совести за то, что они используют Джо подобным образом.

– Тебе вовсе не нужно это делать, Джо, – сказала она. – Просто подвези нас к дому. У нее не будет возможности спросить тебя о чем-нибудь.

Джо стиснул зубы и включил поворотник, чтобы выехать на шоссе.

– Да, но, если я так поступлю, моя мать захочет узнать, почему я не передал от нее привет, и сразу разволнуется.

– Правильно мыслишь, Джо, – кивнула Селия. – Мамочка наверняка захочет передать привет твоей матери.

Лотти была вполне уверена, что ничего подобного миссис Холден и в голову не придет.

– Так что там в этом доме будет? Когда вас забрать?

– Если это прием в саду, то, полагаю, они подадут чай. Как ты думаешь, Лот?

Лотти с трудом представляла, чтобы на вилле «Аркадия» подавали бисквиты и лепешки. Но она не знала, какие еще бывают приемы в саду.

– Наверное... Да, – ответила она.

– Так что, в половине шестого? В шесть?

– Пусть будет половина шестого, – ответила Селия, помахав кому-то в окошко, но потом

вспомнила, что это машина Джо, и поспешно откинулась на сиденье. – Тогда мы успеем вернуться домой, прежде чем мамочка заведет шарманку.

– Мы очень благодарны тебе, Джо.

Когда они прибыли на место, на подъездной аллее стояло всего две машины, ничего из себя не представляющие, как заметил Джо. В ответ на его реплику Селия, уже раздраженная из-за перевозбуждения, заметила:

– Тогда хорошо, что тебя не пригласили.

Джо не стал огрызаться в ответ: он никогда этого не делал. Но и не улыбнулся, даже когда Лотти, выходя из машины, пожала ему руку, как бы извиняясь. И уехал, не помахав.

– Ненавижу, когда мужчина дуется, – весело прошептала Селия, нажимая на кнопку звонка. – Надеюсь, там не будет кокосовых кексов. Терпеть не могу кокос.

Лотти слегка подташнивало. В отличие от Селии, она не стремилась вращаться в обществе, – в основном, потому, что до сих пор испытывала неловкость, объясняя свои жизненные обстоятельства тем, кто ее не знал. Людям всегда было мало, если она просто говорила, что живет у Холденов. Они хотели знать, почему, как долго и скучает ли она по матери. На последнем приеме в саду у миссис Холден (в пользу бедных детей Африки) она совершила ошибку, признавшись, что больше года не виделась с матерью, а в результате оказалась объектом жалости, что было ей неприятно.

– Все снаружи, – открыв дверь, сообщила еще более мрачная (если вообще такое возможно), чем обычно, Марни. – Перчатки не понадобятся, – буркнула она, проводив девушек по коридору и показав рукой на черный ход.

– Тогда оставить или снять? – прошептала Селия.

Лотти прислушивалась к голосам снаружи и не ответила.

То, что это не привычный прием в саду, стало ясно в первую же секунду. Ни тебе шатра (миссис Холден неизменно расставляла шатер на случай дождя), ни раскладных столов. Как же они подадут еду? – рассеянно подумала Лотти и тут же мысленно выругала себя за то, что рассуждает, как Джо.

Они прошли внутренний двор, и Марни указала на ступеньки, которые вели на маленький отрезок частного пляжа. Именно там расположились гости. Они сидели или полулежали на разноцветных одеялах, вытянув босые ноги, и о чем-то беседовали.

Аделина Арманд, в бледно-розовом летнем платье из крепдешина, в белой мягкой шляпе с широкими полями, восседала на светло-зеленой шали с атласным отливом. Менее экстравагантной Лотти ее до сих пор не видела. Хозяйку окружали трое мужчин, включая Джорджа, который под сенью большого зонта срезал листья с какого-то необычного растения (артишока, как позже объяснила Аделина) и по одному передавал ей. На Френсис был купальник, открывавший на удивление худое загорелое тело. Она чувствовала себя явно комфортнее без одежды и сейчас, расправив плечи, от души смеялась над шуткой собеседника. По крайней мере четыре бутылки красного вина стояли открытыми. Никого из гостей Лотти не узнала. Она замерла, понимая, что в своем наряде и белых перчатках выглядит глупо. Селия уже пыталась снять перчатки, спрятав руки за спиной.

Джордж оторвался от своего занятия и увидел девушек.

– Добро пожаловать на наш маленький *déjeuner sur l'herbe*!^[7] – воскликнул он. – Идите сюда, присаживайтесь.

Селия, успевшая скинуть туфли, шла по песку, слегка покачивая бедрами, туда, где сидел Джордж. Лотти однажды застала ее дома за отработкой этой походки, когда Селия думала,

что никто не видит.

– Проголодались? – поинтересовалась Френсис, которая выглядела непривычно веселой. – У нас сегодня форель и восхитительный травяной салат. Или, если хотите, холодная утка. Кажется, там еще осталось немного.

– Мы сыты, спасибо, – ответила Селия, опускаясь на песок.

Лотти присела за ее спиной, жалея, что мало кто из гостей остался стоять и нельзя среди них затеряться.

– Как насчет фруктов? Нам прислали роскошную клубнику. Кстати, Марни уже подала ее?

– Им нужно не поесть, а выпить, – заявил Джордж и тут же принялся хлопотать, наливая красное вино в два больших бокала. – Вот, – сказал он, поднимая один из них к свету. – Это для Красной Шапочки.

Селия бросила взгляд на свою юбку, а затем снова на Джорджа, довольная его вниманием.

– Выпьем за нежный цветок юности.

– О, Джордж. – Какая-то блондинка в огромных солнцезащитных очках перегнулась и фамильярно похлопала его по руке. Этот жест разозлил Селию.

– Пусть наслаждаются ею, пока она есть. – Блеск глаз и манера растягивать слова свидетельствовали о том, что он пил с самого утра. – Бог знает, сколько они будут так выглядеть, но, скорее всего, недолго.

Лотти уставилась на него в недоумении.

– Френсис знает. Пройдет лет пять, и они превратятся в тяжеловесных матрон, поборниц моральных устоев Мерхема, а за их юбки будет цепляться парочка отпрысков.

– Ничего подобного я не знаю. – Френсис с улыбкой скрестила длинные ноги на одеяле.

Что-то в тоне Джорджа заставило Лотти почувствовать неловкость, в то время как Селия взяла бокал и, словно принимая вызов, одним глотком осушила его наполовину.

– Только не я, – заявила она, усмехаясь. – Через пять лет вы меня здесь не найдете.

– *Non?* А где же ты будешь? – Шляпа не позволяла разглядеть лицо Аделины. Виднелся лишь аккуратный маленький ротик, сложенный в вежливую, пытлившую улыбку.

– Не знаю. В Лондоне, наверное. В Кембридже. Возможно, даже в Париже.

– Только не в том случае, если твоя мама настоит на своем. – Что-то в нарочитой расслабленности Селии возмутило Лотти. – Она хочет, чтобы ты осталась здесь.

– Ничего. В конце концов она смирится.

– Это ты так думаешь.

– В чем дело? – спросил Джордж, склоняя красивую голову к Селии. – Родительница беспокоится за твое моральное благополучие?

Селия и Джордж обменялись такими взглядами, что у Лотти сжалось в груди.

– Ну-у... – лукаво протянула Селия. В ее глазах внезапно вспыхнул многообещающий огонек. – Как-никак вокруг бродит множество серых волков.

В конце концов Лотти пристроилась на шали Аделины и с трудом поборола желание смахнуть песок со складок. Она мучилась сознанием, что чересчур нарядна и провинциальна, с трудом следила за разговорами вокруг и чувствовала себя не в своей тарелке. Аделина, которая обычно старалась сделать так, чтобы девушка не испытывала неловкости, увлеклась беседой с каким-то мужчиной, которого Лотти раньше не видела. Она потягивала вино, стараясь не морщить нос, и время от времени брала вишни из вазы.

– Сказочный дом, Аделина, дорогая. Скорее модерн, чем деко. Как тебе кажется?

– Конечно, Рассел – идиот. А если он думает, что Иден обратит хотя бы малейшее внимание на него и всю эту ученую братию, то он безмозглый идиот.

– Я тебе говорил, что Арчи наконец представляет свою работу на Летней выставке? Картину повесили так, что она смотрится как почтовая марка, но нужно довольствоваться тем, что имеешь...

День тянулся долго. Кокосовых кексов не подавали. Лотти накинула на плечи кардиган, чтобы не загореть, и наблюдала, как медленно отступает море, расширяя береговую полосу и превращая затейливый замок из песка, который, должно быть, соорудили рано утром, в бесформенный холмик. За ее спиной как безумная хихикала Селия – видимо, порядком выпила. Девушкам позволялось пить вино только на Рождество, и от наперстка хереса, который они попробовали перед обедом в прошлом году, Селия покраснела и возбужденно разговаривала тонким голосом. Лотти выпила полбокала, а остальное украдкой выпила в песок. Но даже от этих нескольких глотков в голове стоял туман, мысли путались.

Когда Марни убрала последние тарелки, Лотти немного передвинулась, чтобы видеть Селию. Та как раз рассказывала Джорджу о своей «последней поездке в Париж». Тот факт, что она никогда не бывала в Париже, не повлиял на красочное описание, но Лотти, заметив, что между Селией и блондинкой накаляется атмосфера соперничества, подумала, что было бы непорядочно разоблачить ее сейчас. Блондинка продолжала улыбаться из-под солнцезащитных очков, но улыбка все больше походила на оскал, и Селия, почуввав победу, совсем отпустила тормоза.

– Разумеется, в следующий раз я обязательно пообедаю в «Ла Куполе». Вам случалось бывать в «Ла Куполе»? Мне говорили, что там подают восхитительных лобстеров.

Она вытянула ноги перед собой, позволив юбке задраться выше колен.

– Мне ужасно жарко, Джордж, – внезапно объявила блондинка. – Пойдем в дом.

«Ну, Селия, – подумала Лотти, – тебе попалась достойная соперница».

Селия взглянула на Джорджа, который курил сигару, откинув голову и подставив лицо солнцу. На ее лице промелькнуло грозное выражение.

– Да, пожалуй, довольно тепло, – откликнулся Джордж и принялся стряхивать песок с рукавов.

Тогда и Френсис встала:

– Я тоже перегрелась. Думаю, самое время искупаться. Ты пойдешь, Аделина? Кто-нибудь еще?

Аделина отказалась:

– Меня совсем разморило, дорогая. Я лучше посмотрю.

Но Джордж, тряхнув головой, как большой мохнатый пес, начал расстегивать рубашку и даже как будто оживился.

– Именно это нам сейчас нужно, – сказал он, гася сигару. – Хорошенько освежиться, окунувшись. Ирен?

Блондинка сморщила носик:

– Я ничего с собой не взяла.

– Тебе не нужен купальник, женщина. Довольно и комбинации.

– Нет, Джордж, право. Я посмотрю отсюда.

Остальные мужчины тоже раздевались, до трусов или брюк. Лотти, опасавшаяся, как бы не задремать, встрепелась и наблюдала за всеобщим раздеванием с легкой тревогой.

– Пошли, девчонки. Лотти! Уверен, ты умеешь плавать.

– Она даже не заходит в воду.

Теперь Лотти убедилась, что Селия пьяна. Иначе она ни за что бы не отозвалась так беспечно о неумении Лотти плавать (повод глубоко устыдиться для жителя морского побережья). Она бросила на подругу бешеный взгляд, но Селия не обратила на него никакого внимания. Она была занята своей молнией.

– Что ты делаешь?

– Собираюсь плавать. – Селия широко улыбнулась. – И не смотри на меня так, Лотс. Я в комбинашке. По сути, то же самое, что купальник.

В следующую секунду она с визгом и криками побежала к воде вслед за Джорджем и горсткой других купальщиков. Френсис медленно пошла по воде и, только когда волны начали достигать ее талии, нырнула, словно дельфин, сверкнув мокрым блестящим купальником, похожим на шкурку тюленя.

Селия зашла в море по колени и остановилась в нерешительности. Тогда Джордж схватил ее за руку и со смехом крутанул так, что она плюхнулась в воду. Остальные с веселым смехом прыгали по волнам, толкали и обрызгивали друг друга – мужчины с обнаженными торсами и женщины в белье из тонкого многослойного кружева. Ни на одной из них, заметила Лотти, не было корсета.

Однако, когда Селия повернулась к ней, чтобы помахать, Лотти пожалела, что миссис Холден так и не удалось заставить дочь носить корсет: комбинация и белье насквозь промокли и уже мало что скрывали. Вниз, под воду, – пыталась она жестом показать подруге, но безуспешно: Селия хохотала, откинув голову, и ничего не замечала.

– Не волнуйся, дорогая, – тихо прозвучал голос Аделины, неслышно подошедшей сзади. – Никто не обратит внимания. Во Франции мы привыкли оставаться обнаженными выше талии.

Лотти, стараясь не задумываться о том, что еще происходит во время таких поездок во Францию, слабо улыбнулась в ответ и потянулась к бутылке с вином. Ей вдруг срочно понадобилось подкрепиться.

– Просто миссис Холден, думаю, была бы ужасно недовольна, – пояснила она.

– Тогда держи, – Аделина протянула ей нечто вроде большой шали с ярким узором, – отнеси ей. Скажешь, что это саронг и его носят самые известные люди. Сошлись на меня.

Лотти готова была расцеловать ее. Она взяла кусок ткани и зашлепала по пляжу, на ходу обвязывая кардиган вокруг талии. Дело шло к вечеру: риск загореть был минимальным.

– Держи! – крикнула она. Отступающие волны ласкали ее голые ступни. – Селия, примерь это!

Селия не слышала. Или не хотела слышать. Как раз в этот момент Джордж, схватив ее поперек туловища, поднял в воздух и снова уронил в волны, и она визжала от восторга.

– Селия!

Безнадежно. Лотти ощутила себя чьей-то престарелой дотошной тетушкой.

В конце концов ее увидел Джордж и пошел навстречу, разрезая волны. Волосы облепили его голову, а закатанные брюки – ноги.

Лотти старалась не опускать взгляд ниже его пояса.

– Вы не могли бы передать это Селии? Аделина сказала, что это саронг или что-то в этом роде.

– Саронг? Надо же! – Джордж взял шаль и оглянулся на Селию, которая запрыгивала

спиной на волну. – Считаешь, ей нужно прикрыться?

Лотти взглянула на него с непроницаемым выражением лица:

– Думаю, она не сознает, что практически раздета.

– Ох, Лотти, Лотти, маленькая серьезная поборница морали... Посмотри на себя. Ты измучена жарой, а беспокоишься о подруге. – Джордж покосился на шаль, и губы его растянулись в улыбке. – У меня есть лучшее решение. Думаю, это тебе нужно охладиться. – Он быстрым движением обхватил ее за талию и перекинул через мокрое плечо.

Джордж вприпрыжку побежал на глубину, и Лотти подбрасывало при каждом его шаге. Она в панике пыталась завести руку за спину, чтобы проверить, не задралась ли юбка, и вдруг полетела вниз. Огромная волна соленой воды с силой ударила ей в лицо, и она с трудом нащупала дно. Где-то там, над головой, звучал сдавленный смех, но уже через секунду, кашляя и отфыркиваясь, она вынырнула.

Лотти поднялась во весь рост и немного постояла, ничего не видя. Глаза щипало, в горле першило от соли. Сплюнув пару раз, она слепо двинулась к берегу и там согнулась пополам, задыхаясь. Платье облепило ноги, его верх из светлого хлопка стал почти прозрачным, ясно очертив бюстгальтер, многослойные нижние юбки склеились в одну. Лотти поднесла руку к волосам и обнаружила, что черепаховый гребень, под который они были собраны, исчез.

Джордж стоял подбоченившись и ухмылялся. Селия за его спиной изумленно смотрела на подругу.

– Ах ты, грязная свинья! – непроизвольно вырвалось у Лотти. – Ты грязная, грязная свинья! Это было отвратительно!

Джордж на секунду опешил. На одеялах за ее спиной стихли все разговоры.

– О, для вас всех это чертовски смешно! – вопила Лотти, чувствуя застрявший в горле огромный ком и понимая, что вот-вот брызнут слезы. – У вас денег куры не клюют, вы все одеты в эти чертовы льняные костюмы, и вам плевать, если они испортятся! Только посмотрите на мое летнее платье! Оно ведь у меня лучшее! Миссис Холден теперь меня убьет! И чертов гребень потерялся!.. – Слезы все-таки хлынули – горячие слезы досады и унижения.

– Полегче, Лотс. – Селия сникла.

Лотти понимала, что ставит ее в неловкое положение, но ей было все равно.

– Ладно тебе, Лотти. Это была всего лишь шутка. – Джордж шагнул к ней с виноватым и в то же время раздраженным видом.

– В таком случае, очень глупая шутка. – Аделина подошла к Лотти, собираясь набросить ей на плечи свою шаль. В глазах Аделины стоял легкий укор. Когда шаль оказалась у Лотти на плечах, она уловила пряный жасминовый аромат. – Джордж, ты должен извиниться. Лотти – наша гостя, и ты не имел никакого права так шутить. Лотти, мне очень жаль. Я уверена, мы уговорим Марни постирать твоё прелестное платье и сделать так, что оно будет как новое.

«Но как я теперь доберусь домой?» – в отчаянии подумала Лотти, в ужасе представив, как она поплетется по дороге в Аделинином боа из перьев и в китайских туфлях. Ее размышления прервал голос, донесшийся с горной тропы:

– Селия Джейн Холден! Что, скажи на милость, ты там делаешь?

Лотти обернулась и увидела потрясенные физиономии миссис Чилтон и миссис Колкухоун, которые шли домой с Вудбридж-авеню живописным маршрутом. Маршрут оказался более живописен, чем они рассчитывали.

– Немедленно вылезти из воды и одеться! – приказала миссис Чилтон. – Как можно так себя вести?

Селия побелела и прижала руки к груди, словно внезапно осознала, что почти раздета. Джордж поднял руки в умиротворяющем жесте, но миссис Чилтон вытянулась во весь свой рост в пять футов и четыре дюйма, так что ее бюст, казалось, реял где-то в области подбородка, и умиротворяться не собиралась.

– Я вас не знаю, молодой человек, но вы явно в том возрасте, когда должны что-то понимать, – продолжала возмущаться она. – Заставить уважаемых девушек скинуть одежду среди бела дня! Вы позорите род человеческий! – Тут она заметила винные бутылки на песке. – Селия Холден, неужели ты пила? Боже милостивый! Тебя совсем не волнует твое доброе имя? Не сомневаюсь ни секунды, что твоя мать будет недовольна.

Тем временем миссис Колкухоун потрясенно прижала обе руки ко рту и стояла, не произнося ни звука, словно только что оказалась свидетельницей человеческого жертвоприношения.

– Миссис Чилтон... я, право...

– Лотти?! Это ты?! – Подбородок миссис Чилтон так глубоко погрузился в шею, что вместе они образовали один монолитный розовый столб неодобрения. Тот факт, что Лотти была одета, видимо, ее не успокоил. – Немедленно поднимайся сюда. Шевелитесь, девочки, обе, пока вас еще кто-нибудь не увидел. – Она прижала сумочку к груди, крепко вцепившись в замок. – Не смотри на меня так, Селия. Я ни за что не оставлю тебя здесь с этим сомнительным сбродом. Лично доведу вас обеих до дома и сдам с рук на руки. Боже праведный, даже не представляю, что будет с вашей бедной матерью!

* * *

Ровно три недели спустя Селия уехала в Лондон учиться на секретаря. Предполагалось, что это наказание, и миссис Холден слегка расстроилась, что дочь не только не раскаялась, а, наоборот, проявляла неприличную радость по поводу своего отъезда. Жить ей предстояло у двоюродной сестры миссис Холден в Кенсингтоне, а если она преуспеет на курсах, то получит шанс работать в офисе ее мужа на Бейсуотер.

– Лондон! Только подумай, Лотс! Ни тебе благотворительных завтраков, ни одного жуткого отпрыска в пределах видимости. – Готовясь к отъезду, Селия пребывала в необычайно хорошем настроении.

Лотти тем временем слушала, как Селию отчитывает отец, и, не покидая безопасных пределов их комнаты, гадала, каковы будут последствия для нее. Ни слова не было сказано о том, что она тоже поедет в Лондон. Да она и не хотела уезжать. Однако, когда до нее донеслось тихое бормотание насчет «плохого влияния», Лотти знала, что они имеют в виду не Селию.

Нужно признать, она не была из тех, к кому проникаются теплыми чувствами, даже если очень старалась. Все с ней вроде бы было в порядке: всегда услужлива, опрятна и, как правило, вежлива (в отличие от Селии, она не имела склонности, по выражению ее мужа, к «истерике»), но с людьми она могла быть ужасно резка. Прямолинейна настолько, что порой это граничило с грубостью.

Когда миссис Чилтон привела обеих в тот ужасный субботний вечер (ей до сих пор снились кошмары), Селии, по крайней мере, хватило приличия выглядеть пристыженной. Она бросилась обнимать мать, умоляя:

– Мамочка, я знаю, что вела себя ужасно, но мне правда, правда очень жаль! Честное-пречестное!

Гнев матери мгновенно улетучился. Даже гранитное выражение лица миссис Чилтон смягчилось. Сопротивляться Селии было чрезвычайно трудно.

Но Лотти не захотела просить прощения. Она сердито посмотрела, когда ей велели извиниться за свое поведение, и возразила, что не только была полностью одета, но и вообще, как всем хорошо известно, не зашла бы в воду по доброй воле. Только она сказала «чертовски хорошо» и этим мгновенно вывела из себя миссис Холден: несмотря на все ее усилия, в этой девочке все-таки было что-то от торговки рыбой.

Нет, заявила Лотти, она не станет извиняться за свое поведение. Да, ей жаль, что они скрыли, куда идут. Да, она была там и не помешала Селии, когда та разделась до белья. Но ее грех не так велик, как грех тех, кто с ней плохо обошелся.

Упрямство Лотти окончательно разозлило миссис Холден, и она велела негоднице идти в свою комнату. Миссис Холден очень не любила терять самообладание, а потому поведение девушки особенно ее возмутило. А тут еще пришла Сильвия и сказала – и это, заметьте, в присутствии миссис Чилтон! – что застала Селию, когда та целовала собственную руку, и, мол, Селия призналась ей, что перецеловала «целую ораву» красивых мужчин и что ей известен способ, как это делать и не забеременеть. Миссис Холден отлично понимала, что Сильвия увлеклась фантазиями и плела невесть что, но была абсолютно уверена, что Сара Чилтон не станет держать язык за зубами, и потому еще больше рассердилась на Лотти. На кого же еще ей было сердиться?

– Отныне я запрещаю тебе даже близко подходить к тому дому! – заявила она, поднимаясь по лестнице после ухода Сары. – Ты слышишь меня, Лотти? Я не на шутку сердита на вас обеих. Очень сердита. И не позволю вам впредь позорить семью подобным образом. Бог знает, что скажет доктор Холден, когда вернется домой.

– Так вы ему не рассказывайте. – Лотти вышла из их общей с Селией комнаты с невозмутимым выражением лица. – Все равно он не интересуется женскими сплетнями.

– Женскими сплетнями? Ты так это называешь? – Сьюзен Холден стояла на лестнице, вцепившись в перила. – Вы обе унизили меня в глазах всего общества и думаете, что это просто женские сплетни?

Из комнаты донеслось бормотание Селии.

– Что такое? Что ты там сказала?

Через секунду Селия высунула голову за дверь:

– Я сказала, что нам ужасно жаль, мамочка, и, конечно, мы будем держаться подальше от

«сомнительного сброда», как красноречиво выразилась миссис Чилтон.

Миссис Холден смерила обеих очень долгим и суровым взглядом. Она была готова поклясться, что на губах Лотти промелькнула едва заметная улыбка. Затем, осознав, что ей больше ничего не добиться от этой парочки, она собрала последние остатки достоинства и спустилась вниз, где Фредди соорудил из старых ящиков кроличью норку. Прямо посреди парадной гостиной. Чтобы жить в ней.

И вот теперь Селия уехала. А Лотти, хотя и выполняла все свои домашние обязанности, была неизменно вежлива и помогала Сильвии с уроками, неделями слонялась по комнатам, как больной щенок, когда думала, что никто не видит. Все это было довольно утомительно. К тому же присутствие в доме Лотти начало создавать для Сьюзен Холден определенные неудобства. Впрочем, она ни за что бы в этом не призналась. Все же видели, сколько сил она положила на воспитание девочки. Просто, когда их было двое и она кормила их вместе, покупала им одежду вместе, брала их вместе, было легче считать Лотти частью семьи. Теперь же, в отсутствие Селии, она не могла относиться к Лотти как прежде. Она не признавалась себе в том, но Лотти необъяснимым образом вызывала в ней раздражение. Девушка, видимо, чувствовала это и вела себя совершенно безукоризненно, что особенно раздражало.

Хуже того, Сьюзен подозревала, что, несмотря на запрет, Лотти продолжала посещать дом актрисы. Не зря же она, например, ни с того ни с сего предложила помогать Вирджинии с закупками, хотя никогда прежде этого не делала, и, отправившись за макрелью, пропадала на несколько часов. Или под предлогом покупки газеты для доктора Холдена исчезала на полдня. Дважды по возвращении от нее пахло духами, которые точно не продавались в лавке мистера Ансти. А в ответ на вполне резонные вопросы отвечала тоном, который миссис Холден находила агрессивным: нет, она не была в доме актрисы, потому что миссис Холден не велела ей туда ходить. Разве не так? Взгляд ее при этом был вызывающе-дерзким. Иногда Лотти была просто невыносима.

На самом деле, это следовало предвидеть. Очень многие предостерегали миссис Холден не брать эвакуированную. А она не приняла во внимание слова тех, кто говорил, что у всех лондонских детей вши и гниды (хотя к волосам юной Лотти, когда та впервые приехала, присматривалась весьма пристально), и тех, кто говорил, что она будет красть или что за дочкой последуют родители, поселятся в ее доме и она от них никогда не избавится.

Ведь у девочки была только мать, но и та ни разу не приехала, а лишь написала Сьюзен Холден два письма ужасным почерком. Одно – благодарственное – сразу после первого долгого периода пребывания девочки в доме Холденов, второе – год спустя, когда Сьюзен пригласила девочку вернуться. Видимо, мамаша рада была сбыть ребенка с рук.

Кстати, Лотти ничего не крала, не убегала и не интересовалась мальчиками. Нет, если на то пошло, Сьюзен была вынуждена признать, что как раз Селия оказалась более «развитой» в этом отношении. Лотти выполняла все, что ей велели, помогала с малышами, была чистоплотна и вела себя вполне прилично.

Сьюзен Холден внезапно испытала чувство вины, вспомнив, как восьмилетняя Лотти стояла на вокзале Мерхема, обхватив ручонками коричневый бумажный сверток с одеждой. Среди всеобщего хаоса она молча смотрела на миссис Холден своими огромными темными глазами и, когда Сьюзен сбивчиво заговорила с ней (даже тогда ребенок приводил ее в смятение), медленно подняла правую ручку и вложила пальчики в ладонь Сьюзен. Это был на удивление трогательный жест. И в то же время внушающий тревогу, предвещавший все

грядущие трудности в общении с этой девочкой – вежливой, замкнутой, пристально внимательной, скупой на любовь и ласку. Возможно, было несправедливо так сурово относиться к девушке. На самом деле она не сделала ничего плохого. Нужно было просто привыкнуть к отсутствию Селии. А Лотти все равно скоро уедет: как только подыщет хорошую работу. Сьюзен Холден гордилась своим христианским милосердием. Однако она не могла забыть, как Генри взглянул на Лотти тогда, несколько недель тому назад, когда она, поддернув юбку, вошла в лягушатник вместе с Фредериком. И Сьюзен снова одолели противоречивые чувства насчет своей гостьи.

* * *

У Селии появился кавалер. Недолго она куковала, подумала Лотти с усмешкой. Какое-то время Селия не писала писем, а потом от нее пришел захватывающий рассказ о каком-то ужасном случае на железнодорожном вокзале, где ее «спас» теперешний ее молодой человек. Лотти поначалу не обратила внимания: Селию всегда отличала любовь к преувеличению. К тому же это был не первый мужчина, которого Селия назвала тем самым, единственным. Даже за короткое время, что она прожила в Лондоне. С одним она познакомилась в поезде между станциями Бишопс-Стортфорд и Броксбурн. Другой обслуживал ее в кафе на Бейкер-стрит и всегда подливал кофе, если поблизости не было начальства. Еще был мистер Гришем, преподаватель стенографии, определенно проявлявший к ее петелькам и сокращениям нечто большее, чем обычный учительский интерес. Но затем, постепенно, в письмах все меньше уделялось места этим мужчинам, якобы бесконечным вечерам с тетужкой Анджелой и ее жутким выводком, а также девушкам с секретарских курсов и все больше говорилось об обедах в модных ресторанах, совместных прогулках в Хэмпстед-Хит и превосходстве Гая во всем – от искусства вести беседу до техники поцелуя («ради бога, сожги это письмо, прежде чем его прочтет мама»).

Лотти читала, пытаясь понять, где там действительно правда. Вместо «состоятельная семья» следовало, по ее мнению, читать «собственный дом с туалетом». Эпитет «совершеннейший красавец» означал, что лицо не напоминает морду ворчливого бульдога; а под словами «безумно, страстно меня любит» Селия, скорее всего, подразумевала, что Гай встречал ее в указанном месте и в указанный час. Трудно было удержаться от небольшой толики цинизма: как-никак Лотти много лет провела бок о бок с Селией и на собственном горьком опыте усвоила, что Селия и достоверность не всегда совместимы. Лотти, например, слышала, как подруга то рассказывала, будто ее спасли из горящего дома во время бомбежки, то превращала ее в таинственную эмигрантку из Центральной Европы или в сироту, чьи родители погибли, отравившись во время празднования свадебного юбилея, на котором подавали копченого лосося и водку с черного рынка. Она не стала разоблачать Селию и постепенно начала понимать, откуда берутся эти фантазии. Никто никогда не разоблачал Селию: это был один из тех уроков, что Лотти усвоила в доме Холденов. Вывести ее на чистую воду означало бы открыть ящик Пандоры. Более того, никто даже не упоминал, что Селия сочиняет небылицы. Однажды Лотти заговорила об одной из таких «неправд» с миссис Холден, но та сразу рассердилась и заявила, что наверняка произошло недоразумение, что Лотти не стоит делать из мухи слона и неприлично с ее стороны об этом рассказывать. «Скорее всего, у Селии нет никакого кавалера, – подумала Лотти. – Наверняка

все эти мужчины – плод ее воображения, а на самом деле она сидит вечерами с детьми тети Анджелы, учит их вышиванию и гаммам на пианино». Эта мысль заставила Лотти улыбнуться. Просто, чтобы раззадорить Селию, она не упомянула о Гае в своем следующем письме, зато засыпала ее вопросами о детишках тети Анджелы.

Странные это были два месяца. Только сейчас Лотти начала привыкать к жизни без Селии. Но с чувством покоя пришло сознание того, что атмосфера в доме постепенно накаляется, словно отсутствие Селии убрало стержень, который, как невидимый клей, удерживал всю конструкцию. Доктор Холден все чаще отлучался из дому, до предела натягивая тонкую нить, связывающую миссис Холден с привычной жизнью. А тут еще Фредди и Сильвия, как по команде, именно в это время стали совсем неуправляемыми: их крики и топот окончательно вывели ее из себя, предоставляя доктору Холдену лишний повод не возвращаться домой. «Возможно ли в этом доме добиться хотя бы секунды покоя?» – спрашивал он тихим, якобы спокойным тоном, и миссис Холден каждый раз вздрагивала, словно собака, которую сейчас выдворят пинками за дверь, в темноту и холод.

Когда доктор Холден удалялся в свой кабинет или уходил неожиданно по ночному вызову, с неизменной вежливостью произнося: «Доброй ночи, Лотти», она молча за ним наблюдала. Он никогда не был с ней груб, никогда не давал ей повода чувствовать себя лишней в доме. Впрочем, по большей части он, казалось, вообще ее не замечал.

Когда она впервые появилась в доме, доктор проявлял меньше сдержанности. Держался дружелюбно, часто улыбался. Возможно, ей просто так запомнилось. В первую ночь в чужом доме, когда она молча плакала, сама не понимая почему, но, как ни странно, опасаясь, что хозяйева услышат и отошлют ее обратно, он тихо вошел к ней в комнату и присел на край кровати.

– Ты не должна бояться, Лотти, – сказал он, коснувшись ее головы теплой сухой ладонью. – Могу представить, как трудно тебе жилось в Лондоне. Теперь ты в безопасности.

Лотти огороченно молчала. Ни один взрослый до сих пор так с ней не говорил. С серьезностью. И заботой. И без малейшей угрозы или пренебрежения. Большинство из них даже не помнили, как ее зовут.

– И сколько бы ты здесь ни пробыла, Лотти, – продолжал доктор Холден, – мы сделаем все возможное, чтобы ты была счастлива. А когда ты захочешь уехать, нам останется надеяться, что ты будешь с удовольствием вспоминать свое пребывание в нашем доме, поскольку мы все уверены, что полюбим тебя.

Он погладил ее по голове и ушел, унося с собой ее вечную благодарность и то, что в сердце восьмилетнего ребенка можно считать преданностью. Знай он, что в ее жизни никогда не было отца, не говоря уже о том, чтобы услышать от него хоть несколько добрых слов, он мог бы, наверное, удержаться от проявления нежности. Но нет. Доктор Холден улыбнулся, погладил ее, успокаивая, и маленькая Лотти перестала плакать, улеглась поудобнее в мягкой постельке и принялась размышлять о диковинных и невиданных доселе мужчинах, которые не ругались, не гоняли ее в лавку на углу и не пахли табаком.

Становясь старше, она смотрела на доктора Холдена уже не через такие розовые очки. Трудно было не переменить своего отношения, когда изо дня в день видишь жестокость мужчины, который напрочь отказывался общаться с собственной женой. По утрам он прятался за газетой, выныривая из-за своей чернильной завесы только для того, чтобы отчитать слегка Фредди или Сильвию за какой-нибудь проступок или взять чашку кофе. По вечерам он возвращался поздно, погруженный в собственные мысли, заявлял, что не в силах

разговаривать, пока не выпьет и не проведет «несколько минут в тишине», но те обычно растягивались на весь вечер. А тем временем миссис Холден, которой интуиция, судя по всему, ничего не подсказывала, суетилась, порхая по дому, пытаясь предугадать любое его желание, занять мужа разговором или заставить обратить внимание на ее новую прическу (маникюр, кардиган), не удосуживаясь при этом прибегнуть к намекам.

В такие минуты он вызывал у Лотти что-то вроде негодования. Она понимала, что быть женатым на такой женщине, как миссис Холден, – задача не из легких. Но совсем не обязательно так жестоко ее игнорировать, особенно когда она изо всех сил старалась сделать его жизнь лучше. Он же, насколько видела Лотти, не прилагал никаких усилий, чтобы облегчить жизнь супруги. Шли годы. Миссис Холден все больше волновалась, все больше суетилась, а доктор Холден все реже пытался скрыть свое раздражение, а его отлучки становились все продолжительнее. Размышляя о жизни матери, а также доктора и миссис Холден, Лотти решила, что брак определенно нужно считать плохой долей и его следует избегать, как канализационных люков или ветрянки.

* * *

– Я думаю, здесь. Как тебе кажется? А то сейчас она слишком белая. Слишком пустая. Слишком... строгая.

Лотти прищурилась, стараясь разглядеть то, что увидела Аделина. Но стена и есть стена. Как она может быть строгой? Пришлось, однако, кивнуть и напустить на себя умный вид, приподняв брови, как будто она поняла, что имела в виду Аделина, объявив, что у Френсис появились планы создать «нечто образное».

– У меня есть идея, – заявила Аделина. – Для фрески. Мне не нужны картины лесов или озер...

– Или пейзажи в древнегреческом стиле, – добавила подошедшая сзади Френсис. – Не выношу храмы и колонны. А еще оленей. Просто терпеть не могу этих ужасных оленей.

– Нет-нет. У меня другая идея. – Аделина помолчала, проведя пальцем по стене. – Это будет пейзаж с людьми. Мы все там появимся. Все, кто живет в «Аркадии».

– По типу «Тайной вечери». Только без религиозного налета.

– И без символизма.

– О нет! Немножко символизма должно быть, а иначе что это за картина?

Они совершенно забыли о Лотти. Она стояла, устремив взгляд на белую стену, слепящую отраженным солнечным светом. Внизу, за волнорезом, протянулся пляж, заполненный отдыхающими, несмотря на близкую осень. На месте хозяев она поставила бы перед стеной несколько горшков с растениями. Или соорудила бы небольшую шпалеру.

– ...и ты, Лотти. Мы же обещали нарисовать твой портрет, правда? Ты обязательно здесь появишься. И Селия, хоть она и отсутствует.

Лотти попыталась представить, в каком виде она появится на стене. Но на ум приходил только нелепый нарисованный человечек, повсюду появившийся в годы войны, и надпись: «Что, нет...»^[8]

– Мне придется позировать? – спросила Лотти.

– Нет, – ответила, улыбаясь, Френсис. В последнее время она часто улыбалась. Улыбка нелепо смотрелась на ее лице, вздергивая длинный овал, словно старые панталоны на

тонкой резинке. – Мы теперь тебя знаем. Я предпочитаю нечто более... импрессионистское.

– Ты обязательно должна изобразить ее волосы. Ты когда-нибудь их распускаешь, Лотти? – Аделина протянула тонкую руку и провела по волосам девушки.

Лотти дернулась, не сумев с собой совладать.

– Они путаются, слишком тонкие. – Она пригладила их, бессознательно отодвигаясь от Аделины.

– Перестань принижать себя, Лотти. Мужчины находят это таким скучным...

Мужчины? Лотти попыталась представить себя другой – той, кем могут интересоваться мужчины. До сих пор это были только мальчики. Вернее, один Джо, который едва соответствовал этой категории.

– Всегда следует подчеркивать свои выгодные стороны. Если привлечь внимание к хорошему, люди редко замечают плохое.

Это было самое большое откровение, которое прозвучало из уст Аделины. Но Лотти не обратила внимания на ее слова.

– А что, если нам заставить Лотти рисовать?

– О да! Чудесная мысль, Френсис. Ты хочешь рисовать, Лотти? Френсис совершенно потрясающий педагог.

Лотти переступила с ноги на ногу:

– Мне не очень удается живопись. Мои вазы с фруктами обычно выглядят так, будто вот-вот перевернутся.

– Вазы с фруктами... – Френсис покачала головой. – Как можно вызвать страсть к искусству вазами с фруктами? Давай, Лотти. Нарисуй, что у тебя в мыслях, что в твоём сердце.

Лотти смущенно отпрянула, не желая даже попробовать. Аделина мягко подтолкнула ее в спину:

– Тебе нужно научиться мечтать, Лотти. Выражать свою суть.

– Но я совсем не рисовала с тех пор, как мы окончили школу. Миссис Холден говорит, мне следует вести расходные книги, чтобы получить хорошую работу в лавке.

– Забудь про лавки, Лотти. Совсем не обязательно рисовать какой-то предмет. Просто насладись ощущением пастели. С этими красками так приятно работать. Смотри... – Френсис начала рисовать линии на стене, уверенными движениями размазывая краску пальцем.

Лотти, забыв обо всем, наблюдала за каждым ее движением.

– Не забудь нарисовать себя, Френсис, дорогая. – Аделина опустила руку ей на плечо. – Ты никогда не рисуешь себя.

Френсис не отрывала взгляда от стены:

– Мне плохо даются автопортреты.

В дверях черного хода появилась Марни. В левой руке она держала за шею полуоципанную тушку гуся, а фартук ее был вымазан кровью и перьями.

– Прошу прощения, мэм, прибыл мистер Арманд.

Лотти перевела взгляд с пастельных линий на Аделину, которая кротко улыбнулась и отпустила Марни кивком. Лотти ожидала, что Аделина сейчас бросится к двери – привести себя в порядок, подкраситься, как неизменно делала миссис Холден, и раскраснелась от волнения, что наконец-то познакомится с неуловимым мужем Аделины.

Но Аделина вновь повернулась к белой стене.

– В таком случае мы пригласим кого-нибудь, кто нарисует тебя, Френсис, – невозмутимо сказала она. – Как-никак ты важная часть нашей картины. Non?

В дверях снова возникло лицо Марни.

– Он в гостиной.

Френсис отошла от стены и взглянула на Аделину так, что Лотти почувствовала себя лишней.

– Мне кажется, я произвожу большее впечатление своим невидимым присутствием, – медленно произнесла Френсис.

Аделина пожала плечами, словно в очередной раз уступая в давнем споре, чуть приподняла руку и, повернувшись, направилась к дому.

* * *

Лотти сама точно не знала, чего ожидать, но Джулиан Арманд настолько оказался далек от ее представлений, что она дважды посмотрела мимо него, прежде чем поняла, что Аделина знакомит ее именно с этим мужчиной.

– Очарован, – произнес он, целуя ей руку. – Аделина так много о вас рассказывала.

Лотти молчала, уставившись совершенно недопустимым образом, как сказала бы миссис Холден, на щеголеватого мужчину с прилизанными волосами и невероятно закрученными, словно отлитыми из металла, усами.

– Лотти, – прошептала она, а он кивнул, будто оказал ей любезность.

Нетрудно было догадаться, откуда у Аделины такие экстравагантные вкусы. Джулиан был одет по моде, которая, наверное, была в чести несколько десятилетий назад, да и то лишь в определенных изотерических кругах: твидовые бриджи с такими же жилетом и пиджаком, изумрудно-зеленый галстук и очки в черепаховой оправе с абсолютно круглыми стеклами. Из кармашка жилета свисали чрезвычайно затейливые часы, а в левой руке он держал трость с серебряным набалдашником. Единственной обычной деталью его туалета были начищенные ботинки, но и они мало походили на те, что она видела на главной улице – десять шиллингов за пару.

– Итак, это Мерхем, – сказал он, рассматривая вид из окна. – И ты решила нас здесь поселить.

– Право, Джулиан, не делай никаких выводов, пока не поживешь в доме недельку. – Аделина с улыбкой протянула к нему руку.

– А что такое? У тебя есть планы на мой счет?

– У меня всегда есть планы на твой счет, дорогой. Но я не хочу, чтобы ты о чем-то судил, пока не проснешься под шум моря и не выпьешь хорошего вина, любуясь закатом. Наш новый дом – маленький рай, и его скрытое очарование лучше воспринимать не спеша.

– Я специалист по неспешному восприятию, как тебе известно.

– Но, мой дорогой Джулиан, я также знаю, что тебя привлекает все яркое и новое. А мы с этим домом ни то ни другое. Поэтому мы должны убедиться, что ты будешь рассматривать нас под правильным углом. Разве не так, Лотти?

Лотти тупо кивнула. Она никак не могла сосредоточиться. До сих пор ей не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь обращался с собственным мужем, как Аделина: с такой чрезмерной церемонностью.

– Тогда обещаю, что не скажу ни слова. Итак... Кто мне здесь все покажет? Френсис? Ты хорошо себя чувствуешь? По-моему, морской воздух действует на тебя благоприятно.

– Со мной все в порядке, благодарю, Джулиан.

– А кто еще здесь?

– Джордж. Ирен. Нинетт только что уехала. Она снова пишет. В конце недели придет Стивен. Я сказала ему, что ты возвращаешься.

– Превосходно. – Джулиан похлопал жену по руке. – Уже настоящий дом. Все, что мне теперь остается, – расположиться в центре и сделать вид, что я всегда был здесь. – Он медленно повернулся, опираясь на трость и рассматривая комнату. – А что ты скажешь об этом доме? Какова его история?

– Мы кое-что знаем благодаря Лотти и ее подруге. Его построил член одного местного семейства, а после его смерти владельцами стали... Кто?

– Макферсоны, – подсказала Лотти.

На мизинце Джулиана красовалось огромное толстое кольцо. Абсолютно женское.

– Да, Макферсоны. Но дом в стиле модерн, как видишь. Очень необычный, по-моему. И здесь чудесный свет. *Non?* Френсис утверждает, что здесь чудесный свет.

Джулиан повернулся к Френсис:

– Ты, безусловно, права, дорогая Френсис. Твои вкус и суждения, как всегда, безукоризненны.

Френсис послала ему слабую, почти болезненную улыбку.

– Ты, наверное, скоро вернешься на Кадоган-Гарденс? – спросила она.

– Нет, – вздохнул Джулиан. – Боюсь, в том, что касается Кадоган-Гарденс, мы слегка подпалили мосты. Небольшое финансовое недоразумение. Но мы прекрасно проведем время здесь, пока вопрос полностью не утрясется. Я пробуду до биеннале. Если это не доставит вам слишком большого неудобства, – добавил он с улыбкой, явно уверенный, что его присутствие никогда и никому не может доставить неудобство.

– В таком случае чувствуй себя как дома, – сказала Аделина. – Я тебе все покажу.

Лотти вздрогнула, вспомнив о хороших манерах, и попятилась к двери:

– Я, пожалуй, пойду. Уже поздно, а я сказала, что только сбегая за молоком... Приятно было познакомиться.

Она помахала рукой и направилась к выходу. Аделина подняла руку в прощальном жесте и пошла на террасу, обняв Джулиана за твидовую талию. Обернувшись, чтобы закрыть за собою дверь, Лотти увидела Френсис. Забыв о присутствии Лотти и замерев, как одна из ее композиций, Френсис немигающим взглядом провожала уходящую пару.

* * *

Лотти готовилась посочувствовать Френсис, которая показалась ей одинокой. Нелегко, должно быть, ей придется теперь, когда вернулся Джулиан. Лотти, как никто, знала, каково это – чувствовать себя лишним винтиком. А Джорджу, видимо, было на нее наплевать, иначе он не флиртовал бы так много с Селией и ужасной Ирен. Но потом, два дня спустя, Лотти вновь ее увидела.

Вечером, в половине девятого, Лотти предложила прогуляться с Мистером Бинсом, престарелым ворчливым терьером Холденов. Собакой всегда занимался доктор Холден, но

его в очередной раз задержали на работе, а расстроенная этим миссис Холден никак не могла уложить Фредди и Сильвию. Фредди заявил, что съел всю бегонию в доме, и без конца бегал в туалет, делая вид, что его тошнит, а Сильвия, в очередной раз появившись на лестничной площадке, теперь в тапочках и старом противогазе, потребовала одиннадцатый стакан воды. В гостиной Джо играл в скребл. Поэтому, когда Лотти предложила отвести пса на вечерний моцион, миссис Холден даже обрадовалась, сказав, что это было бы неплохо, если она пойдет в сопровождении Джо. Но не слишком долго. И только рядом с дорогой. Лотти и Джо срезали путь через городской парк, наблюдая, как последние лучи солнца исчезают за отелем «Ривьера», а уличные фонари начинают мигать, постепенно разгораясь. Мистер Бинс, отойдя на несколько футов, ворчал и сопел, преследуя по извилистой тропе вдоль края травы неизвестные ароматы. Лотти шла рядом с Джо, чувствуя, как он слегка подталкивает ее локоть, словно молча подсказывает взять его под руку.

– От матери давно не было вестей?

– Давно. Думаю, она напишет ближе к Рождеству.

– Тебе не кажется странным, что вы не общаетесь? Я бы скучал по своей матери.

– Твоя мать и моя – совершенно разные особи, Джо.

– Я бы не стал называть свою маму особью. – Он изобразил смех, на тот случай, если она хотела пошутить.

Они шли молча, глядя на редкие темные фигуры, которые двигались вдоль побережья, направляясь к своим домам.

– Когда возвращается Селия? Ты говорила, в субботу?

В том-то и беда. Миссис Холден хотела лично сообщить об этом мужу. Она любила приносить хорошие новости и была готова свернуть горы ради его улыбки.

– Она приедет дневным поездом. Утром мне нужно будет отвести Фредди к парикмахеру.

– Как быстро пролетели два месяца, даже не верится. Я отведу Фредди, если хочешь.

Мне тоже пора подстричься, а то отец говорит, что я стал похож на пижона.

– Послушай... – Лотти остановилась.

Джо задрал голову, словно нюхая воздух. Где-то там, внизу, мерный шум волн говорил о наступившем приливе. Залаяла собака, прервав ароматную задумчивость Мистера Бинса. А затем Лотти снова это услышала. Играл джаз: странная, аритмичная, почти лишенная гармонии музыка. Труба на фоне какого-то другого инструмента. И смех.

– Слышишь? – Она схватила Джо за руку, забывшись.

Музыка доносилась с виллы «Аркадия».

– Что это? Кто-то душил кота?

– Только послушай, Джо. – Лотти замерла, пытаясь уловить меланхоличные звуки. Но они донеслись на миг и тут же пропали. – Подойдем ближе.

– Уилл Буфорд раздобыл три новые американские пластинки с рок-н-роллом. Я пойду к нему через неделю послушать. Хочешь со мной?

Но Лотти, натянув кардиган на плечи, уже бежала, спотыкаясь, по ступенькам, чтобы занять самую выгодную точку. Мистер Бинс радостно поскакал за ней, цокая коготками по бетону.

– Миссис Холден велела нам держаться дороги, – прокричал вслед удалявшейся фигурке Джо, а затем, помедлив секунду, отправился следом.

Лотти перегнулась через перила в сторону «Аркадии». В сгущающихся сумерках

полоски стеклянных окон ярко мерцали, отбрасывая лучи света на террасу. Там собралась небольшая компания. Прищурившись, Лотти разглядела Джулиана Арманда: он сидел на старой железной скамье, положив ноги на стол. В другом конце террасы стоял какой-то высокий человек и курил. Наверное, это Джордж. С ним разговаривал другой мужчина, которого Лотти не узнала.

А в луче света танцевали Френсис и Аделина, положив руки друг другу на плечи. Аделина откинула назад голову и лениво смеялась над тем, что говорила Френсис. Они раскачивались в такт музыке, расходясь ненадолго, чтобы взять бокал вина или перекинуться парой слов с кем-нибудь из мужчин.

Лотти не понимала, почему эта сцена окатила ее волной сладкого волнения. Френсис больше не казалась печальной. Даже на таком расстоянии она выглядела уверенной, сияющей. Словно стала хозяйкой положения. Только Лотти не понимала, как это произошло. Что заставляет людей так преображаться? Как такое могло случиться с Френсис? Когда она была на вилле в последний раз, Френсис будто сливалась со стеной, превращаясь в непримечательный бежевый тон, на фоне которого сиял яркий луч света – Аделина. А вот теперь она превзошла Аделину, став как будто выше, сильнее, и совершенно не походила на себя прежнюю.

Лотти, как замороженная, едва дышала. «Аркадия» всегда оказывала на нее такое воздействие. Ее тянуло туда, откуда доносились минорные аккорды, приносимые морским бризом. Они нашептывали свои секреты, рассказывая о других местах, о другой жизни. «Тебе нужно научиться мечтать», – сказала ей Аделина.

– По-моему, Мистер Бинс уже сделал все свои дела, – донесся из темноты голос Джо. – Нам действительно пора возвращаться.

Дорогая Лотс [гласило последнее письмо]!

Какая же ты противная, что не закидала меня вопросами о Гае. Но я понимаю, ты безумно ревнуешь, поэтому прощаю тебя. Все-таки мужчины Мерхема в подметки не годятся лондонцам!!! Нет, серьезно, Лотс, я очень по тебе соскучилась. Девушки на курсах – злобная стая. Они успели распределиться по группировкам еще до моего приезда и теперь во время перерывов перешептываются, прикрывшись ладошками. Сначала меня это расстраивало, но сейчас, когда у меня появился Гай, я думаю, что они просто глупы и жизнь у них очень скучная и пустая, если они до сих пор играют в детские игры. (Это сказал Гай.) Он поведет меня на ужин в «Мирабель», чтобы отметить окончание моих экзаменов по машинописи и стенографии. Не говори мамочке, но это будет чудо, если я сдам стенографию. Мои записи похожи на китайскую грамоту. Гай тоже так говорит. Он объездил весь мир и видел, как эти вещи выглядят на самом деле. Я хотела послать тебе фотографию нас обоих во время скачек в Кемптон-Парке, но она у меня одна, и я боюсь ее потерять. Поэтому тебе придется прибегнуть к фантазии. Представь Монтомгери Клифта, только со светлыми волосами и загаром, – примерно так и выглядит...

Это было уже третье письмо, с которым у Селии «как-то» не получилось отправить фото Гая. Лотти «как-то» не особенно удивилась.

Лотти молча терпела, пока миссис Холден атаковала ее одежной щеткой, счищая

резкими короткими движениями несуществующие пушинки с жакета.

– Надень ободок. Где он?

– Наверху. Хотите, чтобы я сбегала?

Миссис Холден хмуро оглядела Лотти.

– Видимо, придется. А то у тебя волосы разлетаются во все стороны. А ты, Фредерик?

Что, скажи на милость, ты сделал со своими ботинками?

– Он почистил их черной ваксой вместо коричневой, – не без удовольствия пояснила

Сильвия. – Говорит, так они кажутся более настоящими.

– Чем что?

– Чем ноги. Это копыта, – сказал Фредди, горделиво вращая носками ботинок. –

Коровьи копыта.

– Право, Фредерик, неужели тебя нельзя оставить одного ни на минуту?

– У коров нет копыт. У них ноги.

– Нет, есть.

– А вот и нет. У коров раздвоенные ноги.

– Значит, у тебя коровьи ноги. Толстые коровьи ноги. Ой!

– Сильвия, Фредерик, перестаньте пинать друг друга. Это нехорошо. Лотти, пойди и приведи Вирджинию. Посмотрим, удастся ли спасти ботинки за пять минут, что остались до выхода. Сильвия, где твоё пальто? Ещё десять минут назад я просила тебя надеть пальто. Сегодня холодно. И что у тебя с ногтями? Грязи под ними столько, что хоть огород разводи.

– Это оттого, что она ковыряет в носу. Ой! У тебя коровьи ноги! Огромные, толстые коровьи ножищи!

– Сильвия, я уже тебе говорила, не пинай брата. Мы сейчас найдем тебе щетку для ногтей. Где же эта щетка? Что скажет ваша сестра, когда увидит, какой у вас вид?

– Ради бога, женщина, перестань суетиться. Это всего лишь Селия. Ей все равно, даже если мы придем встречать ее в купальных костюмах.

Миссис Холден поморщилась, не глядя на мужа, который, сидя на лестнице, чистил свои ботинки. Только Лотти, прежде чем она побежала по коридору на поиски Вирджинии, заметила, что глаза ее наполнились слезами и она попыталась украдкой смахнуть их рукавом.

Лотти хоть и сочувствовала, но ее занимали другие проблемы. Они с Джо не разговаривали. Возвращаясь после прогулки с Мистером Бинсом, он сказал, что ей не следует столько времени проводить на вилле «Аркадия». Об этих людях идет дурная слава. И если Лотти будет бывать там слишком часто, то и о ней будут говорить плохо. Разве не так? А ведь он ей друг, и ему не все равно. Вот он и подумал, что будет правильно ее предупредить. Лотти, взбешенная его вмешательством, поинтересовалась насмешливым тоном, удивившим даже ее саму, какое ему дело, с кем она проводит время. Да хоть с Дики Валентайном!^[9] Его это не касается.

Джо покраснел. Она разглядела его румянец даже в темноте и от этого еще больше рассердилась, хотя и почувствовала укор совести. А затем, помолчав немного, Джо произнес довольно торжественно, что если она до сих пор не поняла, то уже никогда не поймет, но никто не будет ее любить так, как он, и пусть его любовь безответна, но он все рано считает необходимым опекать ее.

– Я говорила тебе, что не желаю это слышать! – вне себя накинулась на него Лотти. – А ты взял и все разрушил! Мы не сможем быть друзьями. Держи свои чертовы чувства при

себе. Не можешь, значит больше мы не друзья. А теперь ступай домой к своей мамочке и не докучай мне заботами о моей репутации.

С этими словами она дернула поводок бедного старого Мистера Бинса и в бешенстве ушла домой, оставив Джо молча стоять у парковых ворот.

Если бы все шло как обычно, Джо давно бы зашел за ней к этому времени. Появился бы в дверях и спросил, чего она хочет – чашку кофе или сыграть в настольную игру, а затем пошутил бы насчет их ссоры. А Лотти, втайне довольная его приходом, была бы только рада сгладить шероховатости и вновь принять его в друзья. Теперь, когда Селия уехала, он стал для нее важен. Хотя порою Джо и раздражал ее, он все-таки был ей еще одним настоящим другом. Лотти всегда признавала, что для таких, как Бетти Крофт и ей подобные, она была слишком смуглой, слишком неловкой, что ее терпели в компании только из-за Селии.

Но на этот раз Джо, видимо, не на шутку разобиделся. Прошло четыре дня, а он так и не появился. И Лотти, вспоминая, как резко говорила с ним, начала задумываться, стоит ли ей перед ним извиниться, а если стоит, то не решит ли Джо, что это очередное приглашение снова ее полюбить.

Из коридора донесся голос миссис Холден:

– Лотти, поживее! Поезд приходит в четыре пятнадцать. Мы же не хотим опоздать, правда?

Мимо быстро прошел доктор Холден.

– Ступай и успокой ее, Лотти, будь умницей, – оглянувшись, попросил он. – Иначе Селия только взглянет на наш маленький оркестр на платформе и сразу отправится обратно в Лондон. – Он улыбался, и в этой улыбке скрывалось раздражение и молчаливое понимание.

Лотти, слегка смутившись, ответила ему такой же улыбкой.

До вокзала ехали десять минут, и все это время миссис Холден помалкивала, видимо опасалась очередного выговора. Доктор Холден тоже не произнес ни слова, но в этом не было ничего необычного. Сильвия и Фредди, однако, перевозбужденные от одного только сознания, что едут в машине, дрались, как дикари, впечатывали носы в стекла и криками задирали прохожих. Лотти, которой было велено сесть между ними, время от времени дергала одного или отчитывала другую, а сама все время думала, как уладить проблему с Джо. Наконец она решила, что отправится к нему этим же вечером. Она извинится. Она сумеет сделать это так, что будет ясно: романтическая ерунда ей не нужна. Джо успокоится. Как всегда.

* * *

Поезд прибыл в четыре часа шестнадцать минут и тридцать восемь секунд. Фредди, не сводивший глаз с вокзальных часов, громко возвестил им об опоздании. Впервые миссис Холден не стала его отчитывать – ей было не до того: вытягивая шею, она пыталась поверх голов других прибывших пассажиров разглядеть дочь. За грохотом вагонных дверей ее голос был едва слышен.

– Вон она! В третьем вагоне отсюда! – Сильвия вырвалась от матери и побежала по платформе.

А Лотти посмотрела ей вслед и тоже пошла в ту сторону, незаметно для себя перейдя на бег. Холденны временно забыли о своей сдержанности и не отставали от девочек.

– Сели! Сели! – Сильвия бросилась к старшей сестре, чуть не сбив ее с ног, едва та спустилась со ступенек вагона. – У меня новые туфли! Смотри!

– У меня тоже новые ботинки! – приврал Фредди, дергая Селию за руку. – А поезд быстро ехал? В Лондоне были шпионы? Ты каталась на двухэтажном автобусе?

Лотти отступила назад, чувствуя неловкость, когда миссис Холден порывисто обняла дочь, светясь от материнской гордости.

– О, как я по тебе скучала! Мы все по тебе скучали! – приговаривала она.

– Это точно, – сказал доктор Холден, ожидая, когда его супруга отпустит Селию, чтобы заключить ее в свои медвежьи объятия. – Как хорошо, что ты снова дома, дорогая.

Лотти смущенно молчала. Но не только оттого, что почувствовала себя лишней. Дело было в Селии. Прошло каких-то несколько месяцев, а Селия преобразилась. Подстриженные волосы уложены в блестящие волны, губы подчеркнуты смелой, почти вызывающей красной помадой. На ней было зеленое шерстяное пальто с поясом, которого Лотти прежде не видела, лакированные туфли на клиновидных каблучках не меньше трех дюймов высоты, а в руках лакированная сумочка. Она выглядела как с картинки. Настоящая красавица.

Лотти пригладила волосы под ободком и взглянула на свои прогулочные туфли с пряжкой и на крепкой подошве. Ногам в хлопковых носках, а не в капроне, как у Селии, уже сейчас было слишком жарко.

– Боже, как здорово всех вас видеть! – воскликнула Селия, оглядывая семейство, и миссис Холден, обрадованная встречей, даже не сделала ей замечания. – Лотс! Лотти. Не топчись там сзади, а то тебя не разглядеть.

Лотти вышла вперед и позволила себя поцеловать. Селия отстранилась, оставив после себя прилипчивый запах сладких духов. Лотти с трудом подавила желание стереть со щеки след губной помады.

– Я столько всего привезла вам из Лондона. Не терпится показать. Мне немного вскружило голову от денег, что дала тетя Анджела. О, Лотс, если бы ты знала, что я для тебя приготовила! Мне так это понравилось, что я чуть не решила оставить себе.

– Давайте не будем стоять здесь весь день, – подал голос доктор Холден, уже начавший поглядывать на часы. – Сели, дорогая, отойди от поезда.

– Да, ты, наверное, устала. Должна признаться, мне не нравилось, что ты проделаешь весь этот путь одна. Я говорила твоему отцу, что ему следовало бы за тобой съездить.

– Но я была не одна, мамочка.

Доктор Холден, который успел подхватить чемодан и направиться к выходу, остановился и обернулся.

За спиной Селии из поезда, слегка сутулясь, вышел какой-то мужчина. Когда он распрямился, все увидели, что одной рукой он прижимает к боку два огромных ананаса.

Селия ослепительно улыбнулась:

– Мамочка, папочка, познакомьтесь, это Гай. Ни за что не догадаетесь... Мы помолвлены!

* * *

Миссис Холден сидела перед трюмо, аккуратно вынимая шпильки из прически, и невидящим взглядом смотрела на свое отражение. Она всегда знала, что Лотти будет нелегко,

когда Селия начнет расцветать. В какой-то момент в Селии неизбежно проявится порода. А еще она признала, что в Лондоне дочь изменилась так, что превзошла все ее ожидания. Ее маленькая девочка вернулась домой настоящей моделью из модного журнала.

Сьюзен Холден аккуратно сложила шпильки в фарфоровую вазочку и закрыла ее крышкой. Ей не хотелось признаваться, какое облегчение она испытывает от помолвки Селии. К тому же с таким достойным молодым человеком, уже имеющим положение. То ли от радости за Селию, то ли из чувства благодарности, что теперь о ней позаботятся, все семейство, каждый по-своему, чувствовало необходимость отпраздновать событие. Генри даже чмокнул ее в щеку, чего с ним отродясь не бывало. У нее теплело на душе, когда она об этом думала.

Но реакция Лотти на новость Селии определенно была странной. Когда молодой человек только появился на платформе, она уставилась на него так пристально, что это выглядело почти неприлично. Ну да, они все уставились – как-никак Селия огорошила их. Миссис Холден была вынуждена признать, что и ее взгляд был несколько внимательнее, чем обычно. Она уже много лет не видела ананасов. Но Лотти буквально не спускала с него глаз. Миссис Холден заметила это, потому что девушка стояла как раз рядом с ней. Все это было довольно неприятно. А когда Селия объявила о помолвке, кровь буквально отхлынула от лица Лотти. Не осталось ни кровинки, так что она казалась абсолютно белой. Словно собиралась упасть в обморок. Селия ничего не видела. Она была занята другим: хвасталась кольцом, болтала о свадьбе. Однако даже среди всей этой радостной суеты миссис Холден отметила странную реакцию Лотти и почувствовала легкую тревогу. Она стояла, переваривая новость со смесью радости и потрясения, а сама невольно посматривала на свою суррогатную дочь с беспокойством.

Возможно, ничего удивительного в том не было. Девочкой мог заинтересоваться только кто-то вроде Джо, подумала миссис Холден с чувством жалости, к которому примешалась гордость за собственную дочь. Еще бы! Такая смуглая кожа. И такое происхождение.

Она взяла кольдкрем и начала методично удалять румянец со щек. «Вероятно, мы несправедливо с ней поступили, взяв в дом, – подумала она. – Наверное, нам следовало предоставить ее судьбе и не забирать от лондонских родственников. Вполне возможно, мы вселили в нее напрасные надежды».

На них не было даже нитки. Говорю вам, дамы, я чуть сознания не лишилась. – Миссис Колкухоун прижала руку ко рту, словно испытывала боль от одного воспоминания. – Как раз возле тропы. Любой мог видеть.

Совершенно справедливо, согласились дамы салона, хотя в душе усомнились, что кто-нибудь, кроме Дейдре Колкухоун, наткнулся бы на Джорджа Берна и Джулиана Арманда в момент бодрящего утреннего заплыва. Более того, большинство из них прекрасно сознавали, что миссис Колкухоун за последние месяцы совершила неоправданно большое количество прогулок вдоль морского побережья, даже в ненастную погоду. Но, разумеется, никто не допускал мысли, что причиной тому послужило нечто другое, кроме желания убедиться в незыблемости устоев Мерхема.

– Не было ли в том безрассудства – заходить в такую холодную воду?

– Представляю, как они посинели, – с улыбкой произнесла миссис Ансти, но тут же перестала улыбаться, поняв, что больше никто не счел это забавным.

– И знаете, он ведь мне помахал! Тот, что помоложе. Вот так вот стоял и махал... Можно подумать... я могла разглядеть... – Голос миссис Колкухоун оборвался, руку она по-прежнему прижимала к губам, словно вспоминала о пережитом ужасе.

– На прошлой неделе он пел, этот самый мистер Арманд. Вышел на террасу и ну горланить какую-то оперу. Будьте любезны! Средь бела дня!

Дамы зацокали языками.

– Что-то немецкое, надо полагать, – предположила Маргарет Кэрю, питавшая огромную страсть к произведениям Гилберта и Салливана.^[10]

Наступила короткая тишина.

– Что ж, – нарушила ее миссис Ансти, – я считаю, дамы, что обитатели того дома начинают вредить репутации нашего городка.

Миссис Чилтон отставила чашку с блюдцем:

– Я все больше и больше волнуюсь насчет отдыхающих, которые собираются приехать в следующем сезоне. Что, если пойдет молва об этих выходках? Нам нужно заботиться о своем добром имени. И мы не желаем, чтобы их влияние распространилось на нашу молодежь. Бог знает, что тогда может случиться.

Разговор временно затих. Никто не захотел вспоминать случай на пляже с Лотти и Селией. Впрочем, Сьюзен Холден, воодушевленная помолвкой Селии, уже не ощущала неловкости в связи с той историей. Она появилась в дверях и начала обходить гостей, предлагая каждой кусочки фруктов, нанизанные на коктейльные палочки и красиво разложенные кругами (журнал «Домоводство» особое внимание уделял привлекательной подаче блюд).

– Еще по кусочку ананаса? Или, быть может, ломтик дыни? – угощала она. – Удивительно, как долго путешествовал этот фрукт, чтобы оказаться у нас на тарелке. Вчера вечером я так и сказала Генри: «Сейчас в самолетах летает больше ананасов, чем людей!» – Она посмеялась собственной незатейливой шутке. – Прошу вас, угощайтесь.

– Совершенно не похож на консервированный, – задумчиво изрекла миссис Ансти. – На мой вкус, немного резковат.

– Так возьмите дыню, дорогая, – предложила миссис Холден. – У нее чудесный мягкий

вкус. Отец Гая, знаете ли, импортирует фрукты из всевозможных удивительных мест. Гондурас, Гватемала, Иерусалим... Вчера вечером он рассказал нам о фруктах, о которых мы даже и не слышали. Вы, например, знали, что есть фрукт в форме звезды? – Она даже порозовела от гордости.

Миссис Ансти проглотила кусочек с гримаской удовольствия:

– Ммм, чудесная дыня.

– Не забудьте взять домой ломтик для Артура. Гай сказал, что попросит отца прислать нам еще фруктов из Лондона. У них такая огромная компания. И Гай – единственный сын, так что однажды к нему перейдет очень хороший бизнес. Еще ананаса, Сара? Вот салфетки, дамы, если нужно.

Миссис Чилтон сдержанно улыбнулась и отказалась от второго кусочка. Они все радовались за Сьюзен, которая благополучно пристроила Селию, но нехорошо, когда кто-то чересчур зазнается.

– У вас, должно быть, камень с души свалился, – заметила она осторожно.

Сьюзен Холден резко подняла голову.

– Сами знаете... Девочки доставляют столько тревог, не правда ли? – продолжала миссис Чилтон. – Мы все очень рады, что вы передаете Селию в надежные руки. И будем держать кулаки за маленькую Лотти, хотя с ней у вас никогда не было столько же хлопот. Не так ли, дорогая? – Она взяла печенье с подноса, протянутого Вирджинией, которая только что вошла в комнату.

Улыбка миссис Холден опять стала неуверенной. А миссис Чилтон откинулась на стуле и ободряюще ей кивнула.

– Итак, дамы, как мы поступим с виллой «Аркадия»? Я тут подумала... видимо, кому-то придется сказать свое слово. Кому-то с авторитетом, вроде Олдермана Эллиотта. Им нужно все высказать, этим представителям богемы, или кем они там себя считают. По-моему, они не совсем понимают, как мы живем в Мерхеме.

* * *

Лотти лежала в постели, делая вид, что читает, и стараясь не прислушиваться к смеху, доносившемуся с лужайки, где Селия и Гай играли в теннис, не обращая никакого внимания на резкий ветер и Фредерика, чересчур рьяно подбиравшего каждый мяч.

Она с укором уставилась на страницу, сознавая, что уже почти сорок минут читает один и тот же абзац. Но если бы кто-нибудь спросил, о чем он, она не сумела бы ответить. Да и вообще, если бы кто-нибудь спросил о чем угодно, она бы тоже не сумела ответить. Потому что все потеряло смысл. Вселенная взорвалась, разлетелась на куски, а потом они все вновь соединились, но уже не в том порядке. И заметила это только Лотти. Селия за окном что-то с упреком заверещала, а потом залилась смехом, но Гай продолжал говорить размеренным тоном, наставляя ее в чем-то. В его голосе тоже скрывалось веселье, но он не выпустил его наружу.

Лотти закрыла глаза и постаралась дышать ровно. Она понимала, что Селия в любую секунду может прислать кого-нибудь наверх узнать, не хочет ли она к ним присоединиться. Или составить смехотворную четверку, если Фредди потребует включить его в игру. Но как ей объяснить внезапное отвращение к теннису? Как ей объяснить нежелание покидать

четыре стены? Сколько еще времени пройдет, прежде чем кто-нибудь догадается, что дело тут вовсе не в «замкнутости» Лотти, в которой со смехом обвинила ее Селия, что внезапное нежелание проводить время с лучшей подругой не просто очередная ее причуда?

Она посмотрела на новую блузку, висевшую на дверной ручке. Миссис Холден одарила Лотти одним из своих «взглядов», когда та сказала Селии «спасибо». Видимо, посчитала ее неблагодарной. Лотти должна была выразить благодарность более эмоционально. Блузка действительно очень симпатичная.

Но у Лотти не нашлось нужных слов. Она вообще не могла говорить. Да и как иначе? Как она могла объяснить, что в первую же секунду, когда она увидела Гаю, все, что она знала, все, во что верила, тут же куда-то исчезло, словно у нее выбили почву из-под ног? Как она могла объяснить жгучую боль, пронзившую ее при виде знакомого лица, горькую радость узнаваемости, глубокую уверенность, что давно знает этого мужчину? Еще бы ей не знать – разве их вылепили ни из одного и того же теста? А как она могла сказать Селии, что та не должна выходить замуж за человека, которого привезла домой в качестве жениха?

Потому что он принадлежал Лотти.

– Лотти! Лотс! – донеслось снизу.

Да, все, как она и предполагала.

Лотти подождала, пока ее не окликнули во второй раз, затем открыла окно и посмотрела вниз. Стараясь не сводить взгляда с лица Селии.

– Не будь занудой, Лотс! Ты ведь не готовишься к экзаменам.

– У меня немного разболелась голова. Я спущусь позже, – сказала она.

Даже ее голос звучал по-другому.

– Она просидела в своей комнате весь день, – сообщил Фредди, швыряя теннисные мячики в стену дома.

– Ой, да брось ты. Мы собираемся съездить в Барднесс-Пойнт. Ты могла бы позвать Джо. Поедем вчетвером. Давай же, Лотс! Мы ведь с тобой толком не пообщались.

Ее удивило, что Селия не разглядела, как она фальшиво улыбается. Даже щеки заболели.

– Вы поезжайте. А я останусь, пока не пройдет головная боль. Завтра что-нибудь придумаем.

– Скука, скука, скука... А ведь я рассказывала Гаю, как плохо ты на меня влияешь. Наверное, опять скажешь, что я все выдумываю. Да, дорогая?

– Завтра. Обещаю.

Лотти нырнула обратно в спальню, чтобы не видеть, как они обнимаются. Она легла лицом вниз на кровать. И попыталась вспомнить, как дышат люди.

* * *

Гай Парнелл Оливье Банкрофт родился в Уинчестере, что, строго говоря, делало его англичанином. Но больше ничего английского в нем не было. Все, начиная с загара, так не вязавшегося с бледными английскими лицами вокруг него, до свободной, но скромной манеры держаться, отличало его от молодых людей, которых знали Лотти и Селия. Во всяком случае, молодых людей Мерхема. Это был неразговорчивый юноша, вежливый, сдержанный, в котором тем не менее угадывался богатый наследник. Он практически ничему не удивлялся и был открыт для всего хорошего. Казалось, ему неведомо мучительное

самокопание, свойственное, например, Джо, равно как и стремление выделиться среди других парней. Он смотрел на все широко открытыми глазами, словно не переставая забавляться какой-то неожиданной шуткой, временами вызывавшей у него приступы неудержимого веселого хохота. Он невольно вызывал улыбку, как призналась мужу миссис Холден. И она часто улыбалась Гаю, а как только переварила потрясение от столь быстрой помолвки дочери, начала относиться к нему благосклонно, как к своему первенцу. А Гая, казалось, ничто не смущало: ни разговор с шофером на стоянке такси, ни перспектива официально попросить у доктора Холдена руки его дочери. Он пока этого не сделал. Впрочем, прошло всего пару дней, а доктор Холден был ужасно занят. Если Гай был немного пассивен, менее откровенен, чем хотелось бы Холденам, то они не собирались судить его за это: дареному коню...

Но во всем этом не было ничего странного, поскольку Гай Банкрофт почти всю жизнь прожил, не зная жестких социальных условностей частных школ для мальчиков или провинциальных обществ. Единственный ребенок в семье, он был окружен заботой, и после короткого безуспешного пребывания в британском пансионе его снова приняли в объятия семьи и перевозили вместе с багажом из тропиков в субтропики, по мере того как Гай Берtrand Банкрофт-старший, прозорливо распознав потребность обездоленных британцев в экзотических фруктах, быстро строил свой бизнес, отыскивая каналы, чтобы удовлетворять растущий аппетит соотечественников.

Гай провел детство, бродя по огромным фруктовым плантациям на Карибских островах, где поначалу обосновался отец. Мальчик исследовал пустынные пляжи, заводил дружбу с детьми чернокожих работников, время от времени получал знания от репетиторов, когда отец не забывал их нанимать. «Гаю не нужно формальное образование! – восклицал Банкрофт-старший. Он очень любил восклицать. Возможно, поэтому Гай вырос довольно тихим. – Какой толк ребенку, если он будет знать, что произошло в тысяча шестьдесят шестом году? Не все ли равно, сколько жен было у Генриха Восьмого? Король сам с трудом вел их счет. Лично он, Банкрофт-старший, выучился на своем горьком опыте. Получил диплом (при этом мать обычно вскидывала брови) Университета жизни. Нет, мальчик узнает гораздо больше, если ему предоставить свободу и позволить поскитаться по миру. Так он выучит географию, сравнивая террасные поля Центрального Китая с обширными сельхозугодьями Гондураса, политику, познакомится с реальными людьми, их культурой и верой. Математику он сможет выучить по бухгалтерским книгам. Биологию... Для этого стоит только понаблюдать за жизнью насекомых».

Но все они понимали истинную причину. Гаю-старшему просто нравилось держать сына под боком. Поздний и долгожданный, этот мальчик воплотил в себе все его желания. Отец не понимал тех родителей, которые стремились отправить своих отпрысков в душную старую частную школу, где их обучат британской сдержанности, снобизму и, скорее всего, превратят в педиков... «Да, дорогой. – В этом месте мать Гая всегда решительно прерывала его. – Думаю, твоя точка зрения всем ясна».

Все это Гай поведал Холденам во время семейных трапез. Умолчал лишь о педиках, но Селия рассказала верной подруге, когда они лежали в кроватях и болтали перед сном. Вернее, Селия болтала. Лотти безуспешно притворялась спящей, полагая, что ее единственная надежда сохранить здравый ум – не думать о Гае как о реально существующем человеке.

Но не только девушки обсуждали Гая. Миссис Холден сильно расстроило его небрежное

упоминание о чернокожих друзьях, и она потом без конца спрашивала доктора Холдена, считает ли он, что это правильно.

– Что тебя волнует, женщина? – раздраженно отозвался доктор Холден. – Что это заразно?

В конце концов, увидев, что лицо миссис Холден сохраняет страдальческое и обиженное выражение слишком долго, превысив обычную норму, он снизошел до объяснений, сказав, что в тех краях все по-другому. У мальчика, видимо, не было возможности познакомиться со своей ровней. А кроме того, Сьюзен, времена меняются. Посмотри на иммиграцию. Просто ему хотелось спокойно почитать газету.

– Я только подумала, не слишком ли... небрежно поступили его родители. Как, скажи на милость, ребенку расти и узнавать жизнь, если он общается только с... персоналом?

– Так напомни мне уволить Вирджинию.

– Что?

– Не можем же мы допустить, чтобы Фредди и Сильвия разговаривали с девушкой.

– Генри, ты нарочно тупишь. Я уверена, с родителями Гая все абсолютно в порядке. Я лишь подумала... Он получил немного... необычное воспитание, только и всего.

– Сьюзен, он прекрасный молодой человек. У него нет тика и явных отклонений, отец его чрезвычайно богат, а сам он хочет избавить нас от нашей легкомысленной молодой вертушки, которая доставляет нам одни заботы. Лично мне все равно, даже если бы он вырос, играя на барабанах бонго и поедая человеческие головы.

Миссис Холден не знала, то ли смеяться, то ли ужаснуться. Ей иногда было очень трудно понять юмор мужа.

Лотти обо всем этом не подозревала. За столом она почти не отрывала взгляда от тарелки или молилась, чтобы с ней никто не заговорил. Впрочем, беспокоилась она зря. Миссис Холден не терпелось расспросить Гая о его семье и какой нашла Британию миссис Банкрофт, вернувшись сюда после долгого перерыва, в то время как доктора Холдена интересовало, не повлияет ли на семейный бизнес вся эта заварушка с земельными реформами в Гватемале и действительно ли холодная война отразится на иностранной торговле.

Лотти было слишком тяжело находиться рядом с ним. Слишком трудно слушать его голос. Где она слышала его прежде? А ведь наверняка слышала. Каждая его нотка оставляла в душе зарубку. Его присутствие смущало ее, путало все мысли, так что она уже не сомневалась, что обязательно себя выдаст. Его запах, эта едва уловимая сладость, словно он до сих пор носил на себе ароматы тропиков, заставляла ее спотыкаться на самых простых словах. Безопаснее было вообще на него не смотреть. Безопаснее было не видеть его красивого лица. Безопаснее не наблюдать, как Селия по-хозяйски кладет руку ему на плечо или рассеянно гладит его по волосам. Безопаснее держаться подальше. Подальше!

– Лотти! Лотти! Я уже три раза спросила, не хочешь ли ты стручковой фасоли. Тебе, может, надо уши промыть?

– Нет, спасибо, – прошептала Лотти, стараясь успокоить готовое выскочить из груди сердце.

Он взглянул на нее один раз. Один лишь только раз, когда она застыла на платформе, пораженная собственной реакцией. Его глаза, встретившись с ее глазами, впились в них, как две пули.

– Это «Р».

– Нет-нет, ты смотришь не под тем углом. Больше похожа на «Г».

– Ой, мама! Нельзя же, в самом деле, так жульничать.

– Нет, честно, дорогая. Взгляни. Четко вырисовывается буква «Г». Ну разве это не чудесно?

Лотти заглянула в кухню за молоком. Уже несколько дней она толком не ела и, чувствуя легкую тошноту, надеялась, что молоко успокоит желудок. Она никак не ожидала застать Селию с матерью в тот момент, когда они, обернувшись, будут внимательно разглядывать что-то на кухонном полу. Миссис Холден от души веселилась, что было на нее совсем не похоже. Услышав шаги Лотти, она подняла голову и улыбнулась – столь редкой искренней улыбкой.

– Мне просто захотелось молока.

– Заходи, Лотти. Под этим углом очень похоже на букву «Г». Тебе так не кажется?

– Ох, мама! – Селия безудержно расхохоталась. Ее волосы рассыпались на золотистые пряди, одна из которых прилипла к щеке.

Лотти пригляделась к полу. Там, на каменной плите, лежала яблочная кожура, аккуратно срезанная длинной спиралью.

– Определенно буква «Г».

– Не понимаю... – сдвинув брови, пробормотала Лотти.

Миссис Холден всегда отчитывала Вирджинию, если та оставляла кусочки еды на полу. Это ведь могло привлечь грызунов.

– «Г» означает Гай. Лично мне это ясно, – решительно заявила миссис Холден, прежде чем нагнуться и подобрать кожуру. При этом она слегка поморщилась – видимо, по-прежнему носила слишком тесные пояса.

– А я скажу Гаю, что это была буква «Р». Он сразу приревнует. Кого мы знаем на букву «Р», Лотс?

Лотти раньше не видела, чтобы Селия с матерью так веселилась. Обычно подруга говорила, что ее мать – самая невыносимая женщина на свете. А теперь, как видно, Селия вступила в новый клуб, и они обе – и она, и мать – пошли дальше, оставив ее позади.

– Я возьму молока.

– Лион – Пион, – прогорланил Фредди, появившись на кухне с препарированными внутренностями старых наручных часов.

– Я сказала «Р», дурачок, – с любовью произнесла Селия.

Неудивительно, что она так мила со всеми, подумала Лотти. Я бы тоже была мила на ее месте.

– Знаешь, ма, Гай говорит, что мои губы как лепестки роз.

– Роз – угрозы, – изрек Фредди, заходясь смехом. – Ой-ой!

– «Р» значит рыцарь. «Р» значит рассеянный. Он немного рассеян, тебе не кажется, мамочка? Я порой не знаю, где он витает. Хочешь, погадаем для тебя, Лотти? Кто знает... Может, получится буква «Д»...

– Не знаю, что творится с этой девочкой, – сказала миссис Холден, глядя вслед удалявшейся Лотти.

– Ой, Лотти есть Лотти. С ней все будет хорошо. Просто она рассердилась на что-то. – Селия пригладила волосы, глядя в зеркало над камином. – Знаешь что, давай еще раз попробуем. На этот раз с зеленым яблоком. Только возьмем нож поострее.

* * *

Ей предложили место в обувном магазине Шелфорда в дальнем конце набережной. Она согласилась, но не потому, что срочно понадобилась работа, – доктор Холден уговаривал ее не торопиться, обдумать, чем ей хочется заниматься, а потому, что работать в обувном магазине три раза в неделю было гораздо легче, чем оставаться в доме Холденов. Что касается «Аркадии», то попасть туда стало почти невозможно. По всему городу расползлись шпионы, готовые любыми правдами и неправдами не подпустить любого, кто захочет приблизиться к Дому Греха.

Гай уехал почти на неделю, и в этот короткий промежуток она снова начала дышать. Ей почти удалось казаться нормальной. К счастью, Селия была так поглощена своей любовью, что даже не вникала в то, что миссис Холден теперь называла «приступами» Лотти. Но потом он вернулся и сказал, что отец велел ему «повеселиться и отдохнуть немного», прежде чем начать карьеру с нуля в семейном бизнесе. И Лотти, к этому времени буквально согнувшись под грузом тоски, который таскала с собой повсюду, приготовилась к новым испытаниям.

Хуже всего, что теперь он жил в их доме. Правда, он хотел было подыскать себе что-нибудь, даже спросил у Холденов, не порекомендуют ли они какой-нибудь дом, миссис Чилтон например. Но миссис Холден даже слышать об этом не хотела. Она приготовила для него комнату на Вудбридж-авеню. Естественно, в другом конце дома. С отдельным туалетом. Так что не будет нужды бродить по дому среди ночи. «Очень мудрое решение, дорогая, – одобрила миссис Чилтон. – Никогда не знаешь, когда взыграют гормоны». Но о том, чтобы не предоставить ему кров, не было и речи. Мистер Банкрофт-старший должен увидеть, что они гостеприимная семья. С большим домом. Семья, с которой не стыдно породниться. Да и огромный ящик с экзотическими фруктами, который он присылал каждую неделю вместо платы за проживание, пришелся очень кстати. А иначе фрукты достались бы Саре Чилтон. Какой в том смысл?

И три раза в неделю Лотти будет обреченно спускаться с холма, пересекать муниципальный парк, готовясь целый день втискивать восьмой размер в туфли седьмого размера, и думать при этом, как долго ей удастся терпеть эту боль и тоску. Джо ни разу не пришел.

Ей понадобилось почти десять дней, чтобы это заметить.

* * *

Дамы решили написать письмо. Приглашение. Можно заставить людей делать то, что ты хочешь, и без конфронтации, сказала миссис Холден. А она была великим мастером избегать

конфронтации. Дамы салона написали вежливое письмо миссис Джулиан Арманд, приглашая ее присоединиться к их собранию, отведать легких закусок и познакомиться с местным обществом. Они с удовольствием примут в свои ряды ревностную поклонницу искусства. Обитатели виллы «Аркадия» традиционно принимали участие в общественной и культурной жизни города. Последнее заявление не совсем соответствовало истине, но, как заметила миссис Чилтон, любая достойная женщина сочтет своим долгом прийти.

– Хорошо изложено, – кивнула миссис Колкухоун.

– Своего можно добиться разными способами, – изрекла миссис Чилтон.

* * *

Лотти решила навестить Джо и уже собиралась уходить, когда ее поймала миссис Холден. Прошло слишком много времени с их последней встречи, и, запертая в своей собственной боли, она решила, что любое постороннее дело, пусть даже это будет встреча с Джо и его нескончаемые заверения в преданности, отвлечет ее. Возможно, сейчас в ней появилось чуть больше сочувствия к нему. Как-никак она сама неожиданно познала боль неразделенной любви.

– Лотти, это ты?

Девушка замерла в коридоре, подавив вздох. Меньше всего ей хотелось сейчас предстать перед взорами дам салона. Ей было ненавистно читать на их лицах жалостливое понимание, молчаливое сочувственное признание шаткости ее положения в доме Холденов. Миссис Холден последнее время часто повторяла, что ей, наверное, захочется в скором времени обрести нечто более постоянное. Возможно, устроиться в хорошем универсальном магазине. В Колчестере, например, есть один такой.

– Да, миссис Холден.

– Зайди на секунду, дорогая. Хочу попросить тебя об одолжении.

Лотти медленно вошла в гостиную, слабо и неискренне улыбнулась, глядя на лица, смотревшие на нее с ожиданием. В комнате, натопленной неестественно жарко новым газовым камином, пахло слегка залежалой пудрой и духами «Коти».

– Я собиралась в город, – сказала девушка.

– Да, дорогая. Но я хотела, чтобы ты просто доставила письмо по дороге.

Так вот в чем дело. Она испытала облегчение и повернулась, чтобы уйти.

– В дом актрисы. Ты знаешь, где это.

Лотти обернулась:

– На виллу «Аркадия»?

– Да, дорогая. Это приглашение.

– Но вы сами говорили, что нам нельзя туда ходить. Вы говорили, что там полно... – Она умолкла, пытаясь вспомнить точные слова миссис Холден.

– Да-да, я прекрасно помню, что говорила. Но все меняется. И мы решили воззвать к здравомыслию миссис Арманд.

– Хорошо, – сказала Лотти, беря протянутый конверт. – До свидания.

– Нельзя же отпускать ее одну. – Это сказала Дейрдре Колкухоун.

Сьюзен Холден оглядела гостиную. Наступила короткая пауза, пока дамы переглядывались.

– Да, она не должна идти одна.

– Видимо, она права, дорогая. После... всего. Пусть ее кто-нибудь проводит.

– Уверена, со мной все будет в порядке, – не без доли раздражения в голосе возразила Лотти.

– Да, дорогая. Но ты должна согласиться, что в некоторых вещах взрослые разбираются лучше. Где сейчас Селия, Сьюзен?

– Делает укладку, – ответила миссис Холден. Вид у нее был взволнованный. – Потом она собиралась взглянуть на кое-какие издания для невест. К таким вещам лучше быть готовой...

– Она не может идти одна, – настаивала миссис Колкухоун.

– В доме Гай, – осмелилась заметить миссис Холден.

– В таком случае отошлите юношу с ней. Так будет безопаснее. – Миссис Чилтон осталась довольна таким исходом.

– Гай? – Лотти запнулась и покраснела.

– Он в кабинете, – сообщила миссис Холден. – Сходи за ним, дорогая. Чем раньше вы отправитесь, тем быстрее вернетесь домой. Кроме того, Гаю не помешает прогуляться, а то он просидел в четырех стенах все утро, занимаясь с Фредди. Мальчик очень терпелив, – пояснила она.

– Н-но я и сама справлюсь.

– Ну почему ты такая необщительная? – укорила ее миссис Холден. – Нет, серьезно, мне приходится чуть ли не вытаскивать ее из комнаты. Она больше не видится со своим другом Джо, и бедняжке Селии никак не удастся ее чем-нибудь завлечь... Ну же, Лотти. Попытайся проявить хоть чуть-чуть вежливости. – И миссис Холден сама отправилась на поиски Гая.

– Как дела на работе, дорогая? Справляешься?

Миссис Чилтон пришлось повторить вопрос.

– Отлично, – ответила Лотти, понимая, что если не поддержит разговор, то даст им еще одно доказательство своей нелюдимости.

– Я обязательно должна к вам зайти за зимними сапогами. Они мне крайне необходимы. Какие-нибудь хорошие уже поступили, Лотти? С флисовой подкладкой?

О боже! Сейчас он войдет в комнату! И ей придется с ним заговорить!

– Лотти!

– Кажется, мы все еще торгуем сандалиями, – прошептала она.

Миссис Чилтон вопросительно изогнула бровь, глядя на миссис Ансти.

– Тогда я зайду в конце недели.

Ей удалось покинуть комнату, не глядя на него. Коротко кивнув на его «привет», она ушла в пол и потому не заметила возмущенные взгляды, которыми обменялись дамы. Но сейчас, когда они вышли из дому и быстро зашагали по дороге, Лотти оказалась перед трудным выбором: с одной стороны, ею овладело отчаянное желание убежать, а с другой – совсем не хотелось, чтобы он счел ее невежественной и грубой.

Засунув руки в карманы, опутив лицо из-за встречного ветра, Лотти сосредоточилась на том, чтобы через равные промежутки делать вдох и выдох. Ни о чем другом она думать не могла. Скоро он уедет, твердила она про себя, словно заклинание. И тогда все войдет в нормальное русло.

– Лотти! Эй, Лотти, давай помедленнее...

Лотти так углубилась в свои мысли, что не сразу его услышала. Она остановилась и обернулась, надеясь, что ветер, терзавший ее волосы, объяснит румянец, быстро

разливавшийся по лицу.

Гай протянул руку, словно пытаясь задержать свою спутницу.

– Мы разве куда-то торопимся?

В его голосе слышался легкий акцент – как будто жаркие томные страны его юности стерли в речи все углы. Он двигался плавно, радуясь самому движению, и, казалось, для него не существовало никаких преград.

Лотти не сразу нашлась что ответить.

– Нет, – в конце концов сказала она. – Прости.

Они снова двинулись в путь, на этот раз медленнее. Шли и молчали. Лотти кивнула, приветствуя соседа.

– Ветрено, – приподняв шляпу, заметил тот.

– Кто это был?

– Мистер Хиллгард.

– Это тот, что с собакой?

– Нет, то мистер Аткинсон. – Щеки ее горели. – У него тоже усы.

«Усы! Надо же, усы! – ругала она себя. – Но кто, черт возьми, замечает усы? – Они поднимались по холму к «Аркадии», и Лотти начала прибавлять шаг. – Пожалуйста, пусть все это поскорее закончится, – просила она. – Пожалуйста, пусть он вспомнит о каком-нибудь поручении в городе. Пожалуйста, пусть он уйдет».

– Лотти!

Она остановилась, подавляя слезы и боясь, что у нее вот-вот начнется истерика.

– Лотти, подожди минутку.

Она обернулась и взглянула ему в лицо во второй раз. Он стоял перед ней и смотрел своими огромными карими глазами на чересчур красивом лице. Озадаченный. С легкой улыбкой на губах.

– Я тебя обидел?

– Что?

– Не знаю, что я сделал, но хотелось бы узнать.

«Неужели не знаешь? – подумала она. – Неужели не понимаешь? Неужели не видишь во мне то, что я вижу в тебе?» Она подождала несколько секунд, надеясь, что он все-таки сам ответит, и чуть не разрыдалась от отчаяния, когда он ничего не сказал.

– Ты ничего не сделал. – Она снова двинулась к дому, чтобы он не увидел, как сильно она прикусывает щеки.

– Эй! Эй! – Он поймал ее за рукав.

Она вырвала руку, словно он ее обжег.

– Ты избегаешь меня с тех пор, как я сюда приехал. Неужели из-за меня с Селией? Я знаю, вы всегда были лучшими подругами.

– Конечно нет, – сердито ответила она. – А теперь прошу, пойдём. У меня еще много дел.

– Не понимаю, что происходит, – раздался голос за ее спиной. – Ты почти все время сидишь безвылазно в своей комнате.

В горле Лотти застрял огромный комок пустоты. И душил ее. Глаза щипало от слез. Господи, заставь его уйти. Прощу тебя. Несправедливо так со мной поступать.

Но Гай снова с ней поравнялся.

– Странно, но ты мне кого-то напоминаешь. – На этот раз он на нее не смотрел. Просто шел рядом. – Я пока не понял кого. Но пойму. Это тот дом?

Солнце, несмотря на ветер, согрело ей спину. На подъездной аллее Лотти чуть замедлила темп, под ногами хрустел гравий. Еще не дойдя до середины, она осознала, что не слышит его шагов.

– Вот это да! – Он отступил назад, прикрыв ладонью глаза и щурясь от солнца. – Кто здесь живет?

– Аделина. Ее муж Джулиан. И кое-кто из их друзей.

– Совсем не похож на английский дом. Скорее напоминает те дома, среди которых я вырос. Вот это да! – Он улыбался, приближаясь к дому и оглядывая квадратные окна, побеленный фасад. – Я, знаешь ли, не большой поклонник британских домов: традиционного викторианского стиля или псевдотюдоровской ерунды. Мне они кажутся темными и тесными. Даже дом родителей Селии. Зато этот гораздо больше мне по вкусу.

– Мне он нравится, – сказала Лотти.

– Вот уж не думал, что здесь встречаются такие дома.

– Как давно ты здесь не был?

Он задумчиво нахмурился:

– Лет двадцать. Мне было примерно шесть, когда мы уехали из Англии. Ну что, войдем?

Лотти глянула на конверт в руке.

– Даже не знаю, – засомневалась она. – Наверное, можно просто сунуть его в щель для писем...

Она с тоской посмотрела на дверь. Она не была здесь уже почти две недели. Селия не захотела пойти с ней. «А, та публика, – пренебрежительно отмахнулась она. – Собрание скучных и никчемных людишек. Тебе нужно приехать в Лондон, Лотс. Вот где настоящее веселье. Вдруг ты с кем-нибудь познакомишься».

– Мне запретили с ними общаться, – пояснила Лотти. – С теми, кто там живет. Но они мне нравятся.

Гай перевел на нее взгляд:

– В таком случае войдем.

Дверь открыла Френсис, а не Марни.

– Она ушла, – сообщила Френсис, на ходу стирая с рук рыбью чешую нелепо выглядевшим на ней белым фартуком. – Бросила нас. Такая досада. Мы совершенно не приспособлены к домашнему хозяйству. Мне поручили приготовить на ужин рыбу. Если бы вы видели, какой кавардак я устроила на кухне.

– Это Гай, – сказала Лотти.

В ответ Френсис лишь помахала рукой. «Аркадию» посещало столько людей, что в официальных представлениях давно отпала необходимость.

– Аделина на террасе. Занимается дизайном нашей фрески.

Пока Гай с удивлением рассматривал дом, Лотти украдкой бросала взгляды на его профиль. Скажи что-нибудь ужасное, мысленно приказывала она. Отнесись неуважительно к Френсис. Заставь меня изменить о тебе мнение. Пожалуйста...

– Что за рыба? – спросил он.

– Форель. Ужасно скользкая гадость. Так и летает по всей кухне.

– Хотите, я попробую? Я довольно ловко разделываю рыбу.

– Ой, правда?! – с нескрываемым облегчением воскликнула Френсис и направила его в кухню, где на отбеленной деревянной столешнице картинно истекали кровью две радужные форели. – Ума не приложу, почему она ушла. Впрочем, она всегда была нами недовольна. Я

под конец даже стала побаиваться этой угрюмой старухи.

– Она не одобряла нас. Наш образ жизни. – В дверях появилась Аделина. На ней была длинная черная юбка в мелкую складку и белая блузка с черным галстуком. Она улыбнулась Гаю. – Мне кажется, ей было бы удобнее в более... традиционном доме. Ты привела к нам нового гостя, Лотти?

– Это Гай, – представила своего спутника Лотти и, чуть замявшись, заставила себя добавить: – Жених Селии.

Аделина перевела взгляд с Гая на Лотти и обратно, помедлила, словно раздумывая над чем-то, и наконец подняла руку в приветственном жесте:

– Приятно познакомиться, Гай. Примите также мои поздравления.

Наступила короткая тишина.

– Прислуга почему-то долго у нас не задерживается. Этот нож подойдет? По-моему, он не очень острый. – Френсис протянула окровавленный нож.

Гай проверил лезвие большим пальцем:

– Неудивительно, что у вас ничего не получается. Он такой же острый, как нож для масла. Я наточу его. Брусок у вас есть?

– Наверное, придется искать еще кого-то, – вздохнула Френсис. – Нам и в голову не приходит, что нужно точить ножи. – Она рассеянно потерла щеку, оставив на ней кровавый след.

– О, это такая скука, подыскивать персонал, – с раздражением заметила Аделина и театральным жестом поднесла руку ко лбу. – Я никогда не знаю, что нужно у них спрашивать. Я никогда не проверяю, что они делают. Я даже не знаю, что им следует делать.

– И все кончается тем, что они сердятся на нас, – сказала Френсис.

– Вам нужна прислуга, чтобы присматривала за вашей прислугой, – усмехнулся Гай, ловкими широкими движениями затачивая лезвие о брусок.

– А знаете, вы совершенно правы, – улыбнулась Аделина.

Лотти пришла к выводу, что Гай ей понравился: такую улыбку Аделина приберегала для людей, с которыми могла вести себя естественно. Лотти успела достаточно хорошо изучить хозяйку виллы «Аркадия» и знала другую ее улыбку, когда лишь приподнимались уголки рта, а взгляд оставался невозмутимым.

Лотти не сводила глаз с Гая, зачарованная мерным скрежетом металла о металл, взмахами загорелой руки. Какой он красивый: кожа так и сияет, свет из окон отражается от щек. Волосы, не по моде длинные, цвета темного золота, кажутся еще темнее у воротничка. На левой брови несколько белых волосков, – видимо, результат какого-то несчастного случая. Селия наверняка даже не заметила этого, рассеянно думала Лотти. Она, конечно, не видит и половины того, что вижу я.

Зато Аделина видела.

Почувствовав на себе ее жаркий взгляд, Лотти, забывшая было обо всем на свете, обернулась и, убедившись, что Аделина на нее смотрит, невольно покраснела, будто застигнутая врасплох за каким-то неприличным занятием.

– А где же сегодня Селия?

– Делает прическу. Миссис Холден попросила Гая пойти со мной.

Лотти не хотела, чтобы показалось, будто она оправдывается. Но Аделина просто кивнула.

– Ну вот! – Гай поднял за хвост одну из форелей, выпотрошенную и промытую. –

Хотите, чтобы я показал, что делать со второй?

– Я бы предпочла, чтобы вы почистили и ее тоже, – ответила Френсис. – У вас получается в десять раз быстрее.

– С удовольствием, – откликнулся Гай.

Лотти смотрела, как он аккуратно разрезает блестящий рыбий живот от головы до хвоста, и, к своему удивлению, обнаружила, что плачет.

* * *

Они пили на террасе чай, который приготовила Лотти. В домашних делах от Френсис не было никакого толку. Приготовив первый чайник, она забыла его процедить, поэтому в молоке плавали черные чайники. Во второй раз она вообще забыла положить заварку, а когда ей мягко на это указали, чуть не расплакалась. Аделина сочла происшествие забавным и вместо чая предложила всем вина. Но Лотти, заботясь, чтобы Гай не подумал о них плохо, отклонила предложение и вызвалась сама приготовить чай, радуясь возможности побыть хоть какое-то время в одиночестве. У нее было ощущение, будто она начала возиться с электричеством, ничего в этом не понимая.

Когда она вновь появилась на террасе с подносом разномастной посуды, Аделина демонстрировала Гаю, как продвигается фреска. За то время, что Лотти отсутствовала, на белой поверхности начали проступать странные линии, образуя силуэты, теснящие друг друга вдоль стены. Гай, стоя к ней спиной, проводил по одной линии пальцем с коротко остриженным ногтем. В открытом ворота, не прилегавшем к шее, виднелся загорелый затылок.

– А вот и ты, Лотти. Я поместила тебя подальше от Джорджа. Не хочу, чтобы он тебя обидел. Он черствый человек, – пояснила Аделина. – Все его мысли заняты русской экономикой и тому подобными вещами. Ни для чего другого там просто не осталось места.

Его рука была покрыта короткими светлыми волосками, тонкими, как пух. Лотти могла разглядеть каждую волосинку.

– Я хочу, чтобы у тебя в руках что-то было, Лотти. Может быть, корзинка. Видишь ли, если слегка наклонить твою фигуру, это покажет ее гибкость. А еще я хочу изобразить тебя с распущенными волосами. – Френсис рассматривала набросок фигуры, словно он не имел ничего общего с реальной Лотти.

– И мы оденем тебя в экзотические цвета. Что-нибудь яркое. Совершенно не английское.

– Что-нибудь вроде сари, – добавила Френсис.

– Местные девушки предпочитают какие-то скучные цвета. Совсем не так, как в тех местах, где я вырос. – Гай повернулся к Лотти, чтобы вовлечь ее в разговор. – Здесь, по моему, носят только коричневый или черный. Когда мы жили на Карибских островах, там все ходили в красном, ярко-синем, желтом... Даже я. – Он улыбнулся. – Моя любимая рубашка была с ярким солнцем на спине. Огромное такое солнце с лучами до самых плеч. – Он вытянул руки, показывая, какие были лучи.

Лотти осторожно поставила поднос на стол, стараясь не греметь посудой.

– Думаю, нам следует одеть Лотти в красное. Или, возможно, в изумрудное, – размышляла Аделина. – Она такая изысканная, наша маленькая Лотти, и вечно прячется. Вечно старается стать невидимой. Я возложила на себя миссию, – призналась она Гаю, почти

страстно дыша ему в ухо, – показать этому городу, что Лотти – один из самых ценных его бриллиантов.

Лотти рассердилась на Аделину. Ей казалось, что ее просто высмеивают.

Но никто вроде бы не смеялся.

Гая ничуть не смутило поведение Аделины. Он улыбнулся ей в ответ, затем медленно повернулся к Лотти и взглянул на нее так, будто впервые увидел.

Эти двое, он и Аделина, так внимательно разглядывали ее, что окончательно выбили из колеи, и она уже не смогла сдерживаться.

– Неудивительно, что вы не можете найти прислугу. Дом превратился в свинарник! Вам нужно прибраться! Иначе никто к вам не пойдет работать. – Она вскочила и, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, начала собирать на террасе пустые бутылки, газеты, бокалы с давно высохшими остатками вина.

– Лотти! – раздался тихий возглас Аделины.

– Ты не должна это делать, Лотти, – сказала Френсис. – Присядь, дорогая. Ты же только что приготовила чай.

Лотти пронеслась мимо нее, оттолкнув вытянутую руку.

– Но здесь грязно. Ужасно грязно. Смотрите, здесь нужна карболка. Или еще что-то. – Слова сыпались сами собой. Она вошла в дом и, словно обезумев, принялась сметать со столов горы бумаг, раздвигать шторы... – Иначе вам не найти новой экономки. Никто не откликнется. Нельзя так жить. Нельзя же *так* жить!

Голос ее осекся на последних словах, и она вдруг метнулась по коридору и выбежала из дома на яркий солнечный свет, не обращая внимания на удивленные крики людей за спиной.

* * *

Гай нашел ее в саду. Она сидела у маленького пруда, спиной к дому, и с несчастным видом швыряла кусочки хлеба в грязную воду. Услышав его шаги, она обернулась, застонала и закрыла лицо чересчур загорелыми руками. Но он ничего не сказал. Молча присел рядом, сунул ей в руки тарелку и, пока она украдкой поглядывала на него из-под челки, взял большой румяный фрукт, который принес, придерживая локтем. Любопытство на этот раз победило смущение, и Лотти уставилась на диковинку. Гай достал из кармана перочинный нож и начал очищать фрукт, срезая кожуру продольными полосками. Освободив от нее четыре одинаковые дольки, он осторожно ввел нож в глубину фрукта и отделил мякоть от косточки.

– Манго, – сказал он, протягивая ей кусочек. – Пришло сегодня. Попробуй.

Она посмотрела на сочную блестящую дольку:

– Где Селия?

– По-прежнему у парикмахера.

Наверху плакал Фредди. До них доносился озлобленный детский плач, прерываемый приглушенными протестами.

Лотти вглядывалась в его лицо:

– На что похоже по вкусу?

Его пальцы пахли манго.

– На все хорошее. – Он взял кусочек с тарелки, поднес к ее губам. – Смелее.

Она медлила. Потом до нее дошло, что рот уже открыт. Мякоть оказалась мягкой и сладкой, как будто надушенной. Она медленно таяла на языке, а Лотти тем временем наслаждалась ее сочностью и, закрыв глаза, представляла теплые заморские страны, где люди одевались в красное, желтое и ярко-синее... А еще они носили солнце на спинах.

Когда она открыла глаза, он по-прежнему смотрел на нее. Но уже не улыбался.

– Мне они понравились, – сказал он.

Лотти первая отвела взгляд. На это ушло какое-то время. Она встала, отряхнула с юбки несуществующую землю, потом повернулась и пошла к дому, чувствуя, что буря в глубине ее души начинает стихать.

Прежде чем открыть заднюю дверь, она обернулась:

– Я знала, что они тебе понравятся.

Возможно, это был просто способ сохранить какое-то подобие душевного здоровья, но Лотти больше нравилось думать, что с той минуты все было предопределено. Более того, обнаружив в кармане приглашение мерхемского салона, так и оставшееся нераспечатанным, она была уверена, что именно Гай предложит вернуться в тот дом, например под предлогом, что там гостит один господин, который хочет поговорить об отцовском бизнесе. Миссис Холден ни за что бы не посмела возразить, если бы дело касалось бизнеса. Не сомневалась Лотти и в том, что Гаю удастся выбрать время, когда Селия отправится в очередную предсвадебную миссию: взглянуть на туфли в Колчестере или на новые чулки в Маннингтри. В такой ситуации сопровождение любого мужчины, даже жениха, невозможно. Лотти отчетливо видела, что Гай теперь смотрит на нее по-другому. Пусть она не носит изумрудных платьев, зато приобрела одно из качеств драгоценного камня, о котором говорила Аделина: она вся светила изнутри, притягивая его взгляд, словно бриллиант, поймавший луч света.

Все это вслух не обсуждалось, разумеется. Но если раньше Лотти находила способы избегать Гая, то теперь он просто оказывался рядом во время прогулок в муниципальном парке. Или держал корзину, когда она развешивала белье по веревкам. Или вызывался прогулять Мистера Бинса, когда ее посылали с поручением на набережную.

И гораздо быстрее, чем ожидала, Лотти перестала смущаться в присутствии Гая. Невыносимую боль от того, что он рядом, заменило трепетное радостное предвкушение, не свойственное ей желание разговаривать, неугасимая вера, что она занимает место, предназначенное ей самой судьбой. («Она кажется не такой угрюмой. Менее упрямой», – заметила миссис Холден. «Съюзен, это наследственное и все равно проявится, – возразила миссис Чилтон. – Бьюсь об заклад, ее мать мрачная личность и к тому же метиска».) Лотти старалась не думать о Селии. Задача нетрудная, если рядом был Гай: тогда ей казалось, будто ее окружают невидимые стены, она находила защиту в своей уверенности, что занимает это место по праву. Но наедине с Селией она теряла уверенность и чувствовала себя незащищенной.

Она уже не могла относиться к Селии по-прежнему. Если раньше подруга была союзницей, то теперь стала соперницей. Селия перестала быть Селией, превратившись в сочетание отдельных элементов, с которыми Лотти невольно себя сравнивала: стильная светлая стрижка против темной школьной косы; безукоризненная персиковая кожа против смуглой; длинные ноги, как у танцовщицы, против ее собственных... Коротких? Слишком полных? Менее красивых?

А еще ей не давало покоя чувство вины: ночами она закрывала уши, чтобы не слышать дыхания Селии, и лила беззвучные слезы от сознания того, что отчаянно хочет предать девушку, к которой относилась как к сестре. Никого у нее не было ближе. Никто к ней не был добрее. И от этой двойственности она еще больше негодовала на Селию.

Временами Лотти вспоминала их прежние отношения, но уже через секунду снова не могла смотреть на подругу, не думая о Гае, – так бывает, когда облака разойдутся и покажется бескрайная голубизна, но небо опять стремительно затягивают мрачные тучи. Если Селия посылала Гаю воздушный поцелуй, Лотти с трудом подавляла в себе желание броситься между ними – загородить его, чтобы поцелуй не достиг цели. Рука Селии, небрежно опущенная на его плечо, вызывала едва ли не мысль об убийстве. Она металась между

чувством вины и бешеной ревностью, и этот маятник чаще всего замирал посередине, в точке безысходной депрессии.

Селия как будто ничего не замечала. Миссис Холден, потеряв рассудок от перспективы скорого бракосочетания дочери, вознамерилась полностью обновить гардероб Селии, поскольку ни одна вещь из него не подходит для ее будущего положения в обществе. Селия пообещала Лотти приобрести под шумок обновку и для нее, но, увлеченная выполнением своей столь приятной миссии, едва ли вспомнила о своей не так хорошо одетой подруге.

– Днем подберу брошюры для медового месяца, – сказала она. – Полагаю, круиз подойдет идеально. А ты как думаешь, Лотти? Можешь представить, что будешь сидеть на палубе в одном из таких бикини? Гаю не терпится увидеть меня в бикини. Он считает, что я выгляжу чудесно. Я слышала в Лондоне, что все голливудские звезды в наше время отправляются в круизы... Лотс? Ой, прости, Лотс. Как дурно с моей стороны. Послушай, я уверена, что ты тоже отправишься в круиз, когда выйдешь замуж. Если хочешь, я сохраню эти брошюры для тебя.

Но Лотти ничуть не завидовала: она просто радовалась возможности лишней раз побыть с Гаем. И пыталась уверить себя, когда они, встретившись якобы случайно, неспешно прогуливались в сторону «Аркадии», что Гай тоже благодарен судьбе.

* * *

Дети заприметили Джо раньше, чем он увидел их. Это было нетрудно: он залез глубоко под капот «остин-хили»,^[11] борясь с крышкой распределителя зажигания. Фредди, направляясь домой после похода в магазин с Сильвией и Вирджинией, подбежал сзади и сунул липкую от конфеты руку под рубаху Джо.

– У Селии будет ребенок!

Джо вылез из-под капота, потирая ушибленную макушку.

– Фредди! – Вирджиния кинула тревожный взгляд на дорогу, затем нырнула в открытый гараж и начала вытягивать своего подопечного.

– А вот и да! Я слышал вчера вечером, что они с мамой обсуждали, как его сделать. И мамочка сказала, что Селия должна заставить Гаю позаботиться о своих делах и тогда ей не придется рожать каждый год.

– Фредди, я скажу твоей матери, что ты болтаешь ерунду! Прости, – одними губами сказала она Джо, когда Фредди вывернулся из ее обычно железной хватки.

– Почему ты больше не приходишь? – Перед ним возникла Сильвия, склонившая голову набок. – Ты же собирался научить меня играть в «Монополию», а сам не пришел на следующий день, как обещал.

Джо принялся оттирать ладони ветошью:

– Прости. Я был немного занят.

– Лотти говорит, ты не приходишь, потому что сердисься на нее.

Джо замер.

– Так прямо и говорит?

– Она говорит, что ты перестал приходить, потому что она встречается с Дики Валентайном.

Джо, не удержавшись, хмыкнул.

– А у Лотти тоже будет ребенок? – Фредди тем временем успел дотянуться пухлой розовой ручонкой до двигателя и внимательно его изучал.

– Сильвия! Фредди! Идемте же.

– Когда у Лотти будет ребенок, ты научишь его играть в «Монополию»?

– Если есть резинка, то тебе достанется только один ребенок.

Джо извлек руку Фредди из-под капота и затряс головой.

Вирджиния хохотала.

Увидев, что они веселятся, Фредди начал набирать обороты:

– У Лотти будет ребенок с Дики Валентайном. Он собирается спеть об этом по телевизору.

– Следи за своим языком, Фредди. А то тебе могут поверить. – Вирджиния повернулась к Джо, хихикая.

Ей нравился Джо. Парень явно понапрасну терял время, мечтая о Лотти. Глупая девчонка, видимо, считала, что слишком хороша для него, раз живет у Холденов как их ровня. Но на самом деле она ничем не лучше Вирджинии. Просто ей повезло.

– Если послушать этих двоих, то следующим ее кавалером станет Элвис Пресли. – Она пригладила волосы, пожалев, что утром не подкрасила губы, как собиралась.

Но Джо все равно не заметил. Он снова стал серьезным и даже не посмеялся над шуткой об Элвисе Пресли.

– Где-нибудь бывал в последнее время, Джо? В Клактоне, например? – Вирджиния чуть придвинулась, выставив напоказ стройные ножки.

Джо потупился, переминаясь с ноги на ногу:

– Нет. Дел много.

– Фредди прав. Мы давно тебя не видели.

– Да. Ну...

– А у меня гусеница. Гляди. – Фредди протянул руку Джо.

– Заусеница, Фредди. Я же тебе говорила. И она скоро пройдет. Прекрати совать ее под нос людям.

– Я могу сделать водородную бомбу. Водород продается в аптеке. Мистер Ансти так говорил.

Джо бросил взгляд на циферблат, словно не мог дождаться, когда же они уйдут. Но Вирджиния продолжала болтать:

– Он имеет в виду перекись водорода. Послушай, Джо, у нас тут собралась небольшая компания, чтобы пойти в новый танцзал на Колчестер-роуд. В субботу. Если захочешь с нами, думаю, мы без труда достанем тебе билет. – Она помолчала. – Приедет оркестр из Лондона. Говорят, хороший. Исполняет все рок-н-рольные хиты. Повеселимся.

Джо взглянул на нее, крутя в руках ветошь.

– Подумай об этом.

– Спасибо, Вирджиния. Спасибо. Я... Я... э-э-э... дам тебе знать.

* * *

В 1870 году американский капитан по имени Лоренцо Доу Бейкер зашел в Порт-Антонио и, прогуливаясь по местному рынку, обнаружил странной формы желтый фрукт,

очень популярный среди местных жителей. Капитан Бейкер, предприимчивая душа, решил, что фрукт выглядит и пахнет привлекательно. Он приобрел сто шестьдесят гроздей по шиллингу за штуку и сложил в трюме корабля. Вернувшись одиннадцать дней спустя в Америку, в порт Нью-Джерси, он предложил диковинку местным торговцам. Те ухватились за фрукт и выложили ему кругленькую сумму, заплатив по два доллара за гроздь.

– Неплохой доход, – заметил Джулиан Арманд.

– За несколько бананов. Новый фрукт произвел фурор. Те, кто, невзирая на необычность, добрался до сладкой мякоти... были вознаграждены. Это стало началом индустрии импорта фруктов. Старина Бейкер превратился в «Бостонскую фруктовую компанию». А та компания, что выросла из первой, сейчас один из самых крупных поставщиков. Когда-то отец рассказывал мне эту историю на ночь. – Гай улыбнулся Лотти. – Но теперь он не любит о ней вспоминать, поскольку эта компания гораздо крупнее его собственной.

– Молодец, что выдержал конкуренцию, – сказал Джулиан.

Он сидел, закинув босые ноги на связку книг. На коленях у него лежала пачка литографий, и он раскладывал их по двум стопкам, по обе стороны от себя, на диванные подушки.

Тут же на диване сидел Стивен, бледный, веснушчатый юноша, который никогда не разговаривал. Стивен брал отбракованные оттиски и внимательно рассматривал, словно того требовала вежливость. Кажется, он драматург. Лотти добавила «кажется» в стиле миссис Холден, поскольку до нее недавно дошло, что ни один из этих людей, кроме Френсис, по сути, ничем не занимался.

– И у него успешный бизнес?

– Теперь – да. Впрочем, я не знаю, сколько денег он зарабатывает. Но с тех пор, как я был мальчишкой, наши дома становились все больше. Как и наши машины.

– Конкурентоспособность имеет свои плюсы. А ваш отец, судя по всему, очень решительный человек.

– Терпеть не может проигрывать. Даже мне.

– Вы играете в шахматы, Гай?

– Давно не играл. Хотите сыграть партию, мистер Арманд?

– Нет, не я. Как тактик, я бесполезен. Нет, если вы хороший шахматист, вам следует сразиться с Джорджем.

– Джордж мыслит только математическими категориями. Чистая логика. Я часто думаю, что он наполовину человек, наполовину машина, – заметила Аделина.

– Вы хотите сказать, что он холодная натура.

– Не совсем. Джордж бывает ужасно добр. Но это не тот человек, которого можно полюбить. Нет. И влюбиться в него нельзя.

Неспешный разговор явно противоречил тому, что в воздухе в тот день чувствовалась нервозность, не имевшая никакого отношения к неотвратимому приходу осени. Лотти поначалу даже не ощутила эту едва уловимую вибрацию между людьми в комнате, заряд.

Аделина приподняла локон волос Лотти, которая молча сидела у ее ног, стараясь не краснеть. Слова Аделины пробудили ее от мечтаний о грузовых кораблях и экзотических фруктах. Аделина тем временем украшала ее голову крошечными вышитыми розочками, обнаруженными в шкатулке для драгоценностей.

– Ими было расшито мое свадебное платье, – сообщила она, приведя Лотти в ужас. – Это

всего лишь платье, Лотти. Я храню только самое лучшее из прошлого.

Аделина настояла на том, чтобы прикрепить розочки к волосам Лотти. Ей захотелось увидеть, «как это будет выглядеть». Лотти сначала отказалась: что там Аделина «увидит», если вплетет ей в волосы кучу нитяных бутонов? Но тут вмешался Гай, сказав, что нужно попробовать. Что ей следует позволить Аделине расплести ее длинную косу, а потом сидеть тихо, пока та будет расчесывать и украшать ее волосы. Мысль, что все это время Гай будет смотреть на нее, показалась Лотти настолько восхитительной, что после недолгих протестов она наконец согласилась.

– Все равно перед выходом мне придется вынуть все розочки, а то с миссис Х. случится удар.

Мимо прошла Френсис, направляясь на террасу, и руки Аделины на секунду замерли, Лотти услышала, как она тихо вздохнула. За все полтора часа, что они пробыли здесь, Френсис не произнесла ни слова. Сначала Лотти не обратила на это внимания: она воспринимала только Гая, тем более что в последнее время Френсис чаще находилась на террасе, работала над фреской. Но затем и она тоже почувствовала некоторый холодок в том, например, как Френсис отказывалась отвечать на все вопросы Аделины (не хочет ли она выпить? не нужна ли ей новая кисть? не попробует ли она вкуснейших фруктов, что принес Гай?).

Лотти успела заметить, что Френсис, проходя мимо, плотно сжимала губы, словно с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить резкостью. Ее квадратные костлявые плечи были напряжены, и она склонилась над своей палитрой, словно бросая вызов любому, кто захотел бы встать на ее пути. Со стороны могло показаться, что она полна агрессии, если бы не розовый ореол вокруг глаз и мокрые слипшиеся реснички.

Лотти решила, что ее расстроил Джулиан. Френсис никогда не была такой до его приезда. Само присутствие Джулиана в доме изменило ее поведение. Наверное, он разрушил все планы.

– Мне помочь тебе с рисованием, Френсис? – спросила Лотти.

Но Френсис исчезла в кухне, не ответив.

До приезда родителей Гая, которые хотели познакомиться с Холденами, оставалось четыре дня, и Лотти, сознавая, что на том, скорее всего, и закончится их совместное времяпрепровождение, тщательно откладывала в памяти каждую совместную минуту, каждую секунду – как ребенок, запасающийся конфетами. Задача была не из легких, поскольку она так часто старалась запечатлеть все в памяти, что казалась окружающим рассеянной. «Лотти снова не с нами», – в таких случаях говорила Аделина. А Лотти спустя несколько минут вскакивала, внезапно осознав, что превратилась в центр внимания.

Гай ничего не говорил, – вероятно, принимал те стороны ее натуры, о которых другие люди считали необходимым высказаться. Во всяком случае, он не задавал вопросов, и Лотти, которой до смерти надоело выслушивать замечания по поводу своего характера, была благодарна.

Банкрофты должны были приехать в субботу и намеревались остановиться в отеле «Ривьера», где заранее заказали лучший номер с огромной террасой и видом на залив. («Немного вызывающе, – прокомментировала миссис Чилтон, расстроенная, что гости не остановили свой выбор на ее заведении. – Хотя, наверное, чего другого от них ждать? Они ведь практически иностранцы».) С тех пор как Гай объявил об их неотвратимом приезде, миссис Холден с головой ушла в домашние дела, загоняв Вирджинию до полного

изнеможения и ярости.

– Мне хотелось бы познакомиться с вашими родителями, Гай. Ваш отец, наверное, очень интересный человек.

– Он... Я бы сказал, к нему нужно привыкнуть, – ответил Гай. – Он более прямолинеен, чем большинство британцев. Некоторые считают его отчасти американцем. Немного наглым. А кроме того, он по-настоящему интересуется только бизнесом. Все остальное кажется ему скучным.

– А ваша мать? Как она справляется с такой природной силой?

– Она часто над ним смеется. По правде говоря, мне кажется, она единственная, кто осмеливается на это. Видите ли... У него взрывной характер. Он с легкостью нагоняет на людей страх.

– Но не на вас.

– Да. – Он искоса взглянул на Лотти. – Впрочем, я ничем отца не расстраивал.

Невысказанное «пока» так и замерло в воздухе. Лотти почувствовала это, и у нее по спине пробежал легкий холодок. Она перевела взгляд с Гая на свои туфли, потертые от пробежек по пляжу с Мистером Бинсом. Доктор Холден даже заметил как-то раз, что не знает ни одной собаки, которую так часто выводили бы гулять. Тем временем Аделина поднялась и вышла из комнаты – наверное, отправилась на поиски Френсис. Наступила тишина, во время которой Джулиан продолжал разбирать литографии, время от времени поднося одну из них к свету и хмыкая то одобрительно, то недовольно. Стивен покинул свое место и потянулся. Когда он поднял руки, тонкая хлопковая рубашка задралась кверху, выставив на всеобщее обозрение бледный живот.

Лотти посмотрела на Гая и, поймав его взгляд, залилась румянцем. Когда бы он ни оказался в комнате (а иногда и за ее пределами), она остро сознавала его присутствие, словно улавливала крошечные вибрации в воздухе, и невольно трепетала в ответ. Она опустила голову, позволив тяжелым прядям с вплетенными розовыми бутонами закрыть ей лицо, но все равно сознавала, что он продолжает на нее смотреть.

Оба подскочили, услышав крик. Кричала Френсис, но слов было не разобрать. Второй голос, несомненно, принадлежал Аделине. Она говорила что-то ласковое, пытаясь увещевать, но Френсис снова взорвалась, воскликнув: «Невозможно!» Послышался громкий звон: какая-то кухонная утварь разлетелась вдребезги на каменном полу.

Лотти украдкой бросила взгляд на Джулиана, но тот оставался на удивление невозмутимым: поднял на секунду голову, словно убеждаясь в правильности своей догадки, после чего вернулся к литографиям, бормоча что-то насчет качества печати. Стивен присоединился к его занятию, ткнул пальцем в какую-то точку на листе, и оба закивали.

– Нет, не понимаешь, потому что предпочитаешь этого не делать. У тебя есть выбор, Аделина, выбор. Даже если тебе легче сделать вид, что его нет.

Они будто ничего не слышали. Лотти пришла в ужас. Она не выносила, когда люди ссорились: ей тогда снова становилось пять лет, она чувствовала себя беззащитной и слабой.

– Я не потерплю этого, Аделина. Не потерплю. Я говорила тебе уже много раз. Нет, я умоляла тебя...

«Пойдите остановите их, – мысленно приказывала Лотти. – Хоть кто-нибудь».

Но Джулиан даже бровью не повел.

– Хочешь уйти? – одними губами спросил Гай, когда она осмелилась перехватить его взгляд.

Когда она уходили, Джулиан, смеявшийся над тем, что сказал Стивен, дружески махнул им рукой. В кухне стояла тишина.

* * *

На гравийной дорожке он взял ее за руку, и Лотти, чувствуя жар его прикосновения весь путь до Вудбридж-авеню, забыла о громкой ссоре и розовых бутонах, так и оставшихся в ее волосах.

* * *

– Что ты с собой сотворила, Лотти, скажи на милость?! – воскликнула миссис Холден. – Похоже, тебя атаковали чайки!

Но Лотти было все равно. Отпустив ее руку, Гай дотронулся до одного бутона и прошептал:

– Сила природы.

* * *

Есть вещи, которые полагается делать по правилам. Следовать определенным стандартам, если хотите. Но ответ Аделины дамам мерхемского салона, видимо, далеко отошел от этих стандартов.

– Она извиняется, что в настоящее время не имеет возможности посетить наше собрание? Почему? Чем она так занята? Присматривает за маленькими детьми? Или готовится стать премьер-министром? – Миссис Чилтон больше других возмутилась письмом Аделины.

– Но она надеется, мы найдем время заглянуть к ней как-нибудь, – продолжила миссис Колкухоун, зачитывая текст с дорогого листа почтовой бумаги. – Вам не кажется, что это «как-нибудь» звучит не очень определенно?

– Тут я с вами соглашусь, – сказала миссис Чилтон, взмахом руки отказываясь от предложенного кусочка дыни. – Нет, благодарю вас, Сьюзен, дорогая. Этот фрукт расстроил мне пищеварение на прошлой неделе. В целом я нахожу ее ответ совершенно неприличным. Совершенно.

– Она все-таки пригласила вас зайти, – заметила Селия, сидя с ногами на софе и листая очередной журнал.

– Дело не в том, дорогая. Она не имела права так отвечать. Мы ее пригласили, поэтому ей следовало принять приглашение. Нельзя просто перевернуть все с ног на голову и пригласить нас.

– Отчего же? – поинтересовалась Селия.

Миссис Чилтон взглянула на миссис Холден:

– Оттого, что так не делается.

– Но вряд ли ее ответ можно назвать невежливым. Тем более если учесть, что она

пригласила вас в ответ.

Женщины раздраженно переглянулись. Лотти, помогавшая Сильвии складывать головоломку на полу, подумала, что Аделина поступила очень умно. Ей не хотелось появляться в «салоне» на их условиях, но она поняла, что по одиночке дамы не найдут в себе достаточно решимости, чтобы посетить «Аркадию». Она увильнула от неприятного обязательства, переложив его на дам.

– Я не понимаю, в чем, по-вашему, она провинилась, – небрежно бросила Селия. – Не понимаю, зачем вообще нужно было ее приглашать. Вы тратите уйму времени, стараясь никого и близко не подпустить к ее дому.

– Но в этом все и дело, – строго заметила миссис Холден.

– Да, – согласилась миссис Колкухоун. И сразу потупилась: – По-моему.

Миссис Чилтон, щурясь сквозь очки, дочитывала письмо:

– Она желает нам всего хорошего в наших художественных устремлениях. И выражает надежду, что цитата великого поэта Райнера Марии Рильке послужит нам вдохновением: «Искусство тоже всего лишь способ жить, и как бы человек ни жил, он способен, сам того не сознавая, подготовиться к нему; в реальной жизни человек к нему ближе». – Она опустила письмо и оглядела присутствующих. – Что бы это значило?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Мойра Ширер, леди Кеннеди (1926–2006) – балерина и актриса кино шотландского происхождения. Стала знаменитой благодаря исполнению главной роли в фильме «Красные башмачки» (1948). – Здесь и далее прим. перев.

Кнуд Великий – король Дании, Англии и Норвегии (ум. 1035). По легенде «Король Кнуд и море», рассказанной для детей Джеймсом Болдуином, король осознал, что не всемогущ.

Джордж Герберт (1593–1633) – поэт «метафизической школы». Обогастил английскую поэзию новыми стихотворными формами.

Стихотворение Дж. Герберта «Ярмо» в переводе Дмитрия Щедровицкого.

Фрида Кало (1907–1954) – мексиканская художница и график, жена Диего Риверы, наиболее известная своими автопортретами.

Альберто Джакометти (1901–1966) – швейцарский скульптор, живописец и график, сын художника, один из крупнейших мастеров XX в.

Завтрак на траве (фр.).

В годы Второй мировой войны в Лондоне получило распространение граффити, высмеивающее дефицит всего: на стенах рисовали круглую голову с длинным носом, которая высовывалась из-за забора со словами: «Что, нет хлеба?», «Что, нет сахара?». После отмены карточной системы Чэт, как его прозвали, потерял свою популярность.

Дики Валентайн (1929–1971) – популярный в Англии исполнитель эстрадных песен 1950-х годов.

Композитор Артур Салливан и автор либретто Уильям Гилберт писали популярные комические оперы для театра «Савой» в 1875–1896 гг.

«Остин-хили» – марка спортивных автомобилей, выпускавшихся в Великобритании с 1953 по 1971 год.